

ПРОПАЛИНКА

1914

МАРТЪ

№3

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ:

	Стр.
„Петрушка“ на народныхъ гуляньяхъ. Съ карт. <i>А. А. Попова</i>	147
Паузрубай Наказанный. Киргизская легенда <i>Ш. Крашенинникова</i>	148
Васька Грачъ. Разсказъ <i>Д. Шамбурова</i> . Съ рис. <i>М. Я.</i> . . .	159
Свѣгурочка весной. Стих. <i>С. Раевского</i> . Съ рис. <i>Г. Д.</i> . . .	170
Царевны. Очеркъ <i>Е. Булаковой</i>	172
Слезки зимы. Стих. <i>Над. Ландской</i>	189
Весна. Разсказъ <i>М. Туреневой</i>	190
На дворѣ большого дома.—Вечеръ у Надп. <i>Волноморской</i> . . .	194
Ручеекъ. Слова <i>К. Д. Бальмонта</i> . Муз. <i>А. В. Любимова</i> . . .	102
Веселыя картинки.	106

Заставки и концовки—кукольный народный герой Петрушка, называемый Петръ Иванычъ Угусовъ, Цыганъ съ лошадью, Докторъ, Немецъ, Капраль, Шавка, музыкантъ—рис. *М. Н. Яковлевъ*.

При этомъ № рассылаются подписчикамъ бесплатныя приложения:
1) „Лисица и Мельникъ“. Сказка *К. В. Афанасьева*. 2) „Мартъ“.
Картинка на мѣл. бумагѣ.

ПРОПАЩА

ПРОПАЛИЦКА

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

„ПЕТРУШКА“ НА НАРОДНЫХЪ ГУЛЯНЬЯХЪ. СЪ КАРТ. А. А. ПОПОВА.

НАУЗРУБАЙ НАКАЗАННЫЙ.

ВОСТОЧНАЯ ЛЕГЕНДА.

Убранный пестрымъ флагомъ гордо покачивается на изумрудныхъ волнахъ мѣдно-кованный корабль; пышно разодѣты въ парчу и шелки мощные гребцы; ярче щита Магометова сверкають ихъ ятаганы; властно гремитъ музыка, но нерадостно населеніе благословеннаго города Су-кляка; печально бродятъ съ петлями на шеѣ*) сѣдобородые старцы, уныло опущены къ землѣ ихъ дряхлыя головы, громко рыдаютъ круглоокія красавицы, облеченныя въ печальное рубище**), а на площади, передъ сіяющимъ дворцомъ могущественнаго тюре***) Наузрубая уже приносится въ жертву бѣлая овца,—символь разлуки.

*) и **) въ знакъ траура.

***) Султанъ.

Великій Наузрубай изгонялъ изъ своего царства сына, царевича Ляйли; разгнѣвался на него онъ за то, что Ляйли вернулся изъ похода противъ враговъ не только безъ богатой добычи, но и безъ плѣнныхъ, приказавъ отпустить ихъ на волю. Простить врага!—большаго преступленія не зналъ грозный султанъ: но не таковъ былъ его сынъ, царевичъ Ляйли.

И готовился на берегу моря къ отплытію быстрый корабль, а сынъ властнаго хана молодой Ляйли сидѣлъ въ тюрьмѣ, окованный тяжелыми цѣпями... Но не плакать и не стонать царевичъ, и не молить о прощеніи... Это и приводило въ гнѣвъ великаго Наузрубая.

Во дворцѣ его—смущенье и робость... Грозно, какъ ангель смерти, смотритъ гнѣвный тюре на распростертыхъ предъ нимъ въ тронной залѣ военачальниковъ и старшинъ; презрительная усмѣшка скривила его тонкія губы, а глаза такъ и жгутъ склоненныя фигуры придворныхъ, не смѣющихъ приподняться съ ковра безъ приказа властителя.

— Встаньте, рабы!—слышится, наконецъ, его гнѣвное слово.

Но головы склоненныхъ не поднялись отъ пышныхъ ковровъ; изъ всей толпы всталъ на ноги только одинъ богато одѣтый старикъ. Серебромъ горѣла его длинная борода, а блескъ глазъ былъ подобенъ свѣту зарницы.

— Великій тюре!—воскликнулъ онъ.—Прости царевича Ляйли.

И, вскрикнувъ, схватился за кривой ятаганъ разгнѣванный тюре, и сдѣлать быстрый шагъ по ступенямъ трона, но остановился и снова сѣлъ на серебряный тронъ и хлопнулъ въ ладоши.

Вошелъ мудрый Шаркинъ, начальникъ стражи, и распростерся у входа.

— Возьми мятежнаго Ахмата,—приказаль ему великій Наузрубай.—И прежде, чѣмъ дивный пророкъ обернетъ вокругъ моего царства свой блестящій щитъ...

Въ распростертой толпѣ поднялось движеніе, послышались неясные голоса.

— Прости своего сына, дивный тюре. Не отсылай его отъ свѣта твоего лица въ невѣдомыя страны, гдѣ вѣютъ холодъ смерти и проклятье пророка.

— Уведи Ахмата,—повторилъ разгнѣванный ханъ, метнувъ огненный взоръ на уstraшеннаго Шаркина.—Проклятье вамъ, лъстивые рабы! Да упадетъ мечъ пророка на ваши безстыдныя головы! Клянусь свѣтлымъ сіяніемъ лица всемогущаго Бога,—всякаго, кто, дерзкій, осмѣлится просить о прощеніи непокорнаго Ляйли, я въ тотъ же день прикажу обезглавить.

Изъ спальни султана послышалось плавное пѣнье, и на порогѣ показалась ослѣпительная кадья *) Шеризата. Свѣтлые, какъ священный камень, волосы ея были распущены, непорочныя очи, опущенныя тьмою рѣсницъ, были опущены къ землѣ.

И подойдя къ тюре, склонилась передъ нимъ чудная Шеризата, а потомъ сказала:

— Мощный и мудрый! Прости своего сына!

Крикъ ужаса пролетѣлъ по залѣ... Трепещущіе царедворцы подняли съ полу бѣлыя, какъ снѣгъ, лица, и сотни изумленныхъ глазъ уставились на султана.

А тотъ, сторбившись, трепетно хватался руками за се-

*) Супруга султана.

ребряный тронъ; гордая голова его безсильно тряслась, глаза были широко раскрыты и круглы, а изъ горла вылетали странныя, непонятныя слова...

И подивилась тому чудноокая кадыня и, упавъ на колѣна, обняла своего повелителя.

— Горе мнѣ, горе!—стонать властный Наузрубай.—Великій Богъ наказаль меня за мою жестокость! Надо мною уже вѣсть холодъ смерти... Шеризата, свѣтъ старѣющихъ глазъ моихъ! Я дать страшную клятву обезглавить всякаго, кто будетъ молить меня о пощадѣ Ляйли. Горе! Горе! Я погубилъ тебя своей неразумной клятвой, моя чудная кадыня!

И бѣгле камней на священной горѣ стала царственная Шеризата; яркій отсвѣтъ небеснаго сіянія исчезъ съ ея нѣжныхъ щекъ, и она беззвучно упала на полъ.

— Шихимура сюда!—крикнулъ великій султанъ и склонился надъ омертвѣвшимъ тѣломъ кадыни.—Рабы, трижды вы прокляты. Всему вы виной!.. Удалитесь!..

Тронная зала опустѣла, и только стоны бьющагося о землю головой Наузрубая гулко разносились по дворцу, потрясая его своды.

— Спаси, спаси ее!—крикнулъ султанъ, увидавъ входящаго лѣкаря.—Впрочемъ, зачѣмъ намъ ее спасать? Зачѣмъ, чтобы пышныя кудри ея окрасились злой, горячей кровью? Горе мнѣ, горе!

Шихимуръ горестно покачалъ головой.

— Пусть ужъ лучше такъ оставитъ дивная кадыня нашъ міръ, чѣмъ подъ сверкающимъ остриемъ кривого ятагана! Благо ей: недаромъ смертоносный Гавріилъ поразилъ ее въ сердце.

— Такъ она умерла,—вскричалъ Наузрубай, хватаясь за свою сѣдую бороду.—Такъ у меня нѣтъ моей Шеризаты.

Въ отвѣтъ на вопль убивающагося султана послышался тихій стонъ кадыни.

— Аллахъ!—изумленно проговорилъ лѣкарь.—Она жива! Какое злое несчастье закралось въ золотыя двери твоего сердца, мудрѣшій! Лучше бы было, еслибъ чудноокая подруга твоя... не просыпалась!..

Печально опустилъ вѣщій Шихимуръ голову свою и неслышно вышелъ.

— Проклятье всѣмъ—стонать тюрѣ.—Но если моя Шеризата должна умереть, она умретъ не одна: подъ кривымъ остриемъ меча заодно умретъ и девятый изъ придворныхъ монаховъ, вызвавшихъ у меня ужасную клятву!

Услыхала эти жестокия слова дивная кадыня, и ужасъ запечатлѣлся въ ея померкшихъ глазахъ.

— Повелитель мой!—чуть слышно произнесла она.—Ты поклялся казнить всякаго, кто будетъ молить о пощадѣ царевича Ляйли, и долженъ исполнить эту клятву! Такъ оно и должно быть: страшное зачатіе будетъ исполнено. Я умру... Но, тюрѣ, не заставляй, вмѣсто благословеній, ругаться проклятіямъ на твою священную голову! Будь милостивъ, сжался надъ старинами, пощади сѣдые бороды старцевъ, отдай женамъ ихъ новелителей и дѣтямъ отцовъ! И прости царевича Ляйли!

И застоналъ царственный Наузрубай, подивившись свѣтлой кадынь своей, и тихо прошепталъ:

— Неужели ты, радость, огонь жизни моей, должна умереть? Неужели Аллахъ не проститъ меня?!

— Ты не властенъ въ клятвѣ, и я должна умереть... Но я заклинаю тебя передъ смертью—исполни мои мольбы, Наузрубай!

И вскрикнулъ ужаснымъ голосомъ султанъ, далеко отбросилъ отъ себя мечъ свой и зарыдалъ.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ.—Тому не быть! Смерть чудноокой кадыни не пройдетъ даромъ для моихъ рабовъ: подъ острой сталью прольется кровь не одной невинной дѣвы! Полюются цѣлые фонтаны ея,—и все это зальетъ мое безысходное горе!

И, какъ ни молила Шеризата разгнѣваннаго хана, сколько ни напоминала о гнѣвѣ Пророка,—властный Наузрубай отдалъ приказаніе Шаркізу заключить въ оковы дочерей царедворцевъ, опутать цѣпями старшинъ и приготовить помость для ужасной казни.

Стонъ отъ рыданій стоитъ надъ прежде счастливымъ городомъ. Слезы струями брызжутъ изъ очей женъ, прощающихся со своими отцами и повелителями. Горькими каплями бѣгутъ онѣ изъ морщинистыхъ глазъ сѣдобородыхъ старцевъ; проклятья носятся по царству султана: на священной площади уже воздвигается красный помость...

А тамъ, въ башнѣ, убиваясь, сидятъ въ тяжелыхъ цѣпяхъ красавицы—дѣвы: склонились онѣ къ стѣнѣ и думаютъ свои роковыя послѣднія думы. Прежде, чѣмъ блещущій щитъ дивнаго пророка начнетъ склоняться къ покою, надъ нѣжной шеей каждой сверкнетъ острый ятаганъ, и Гавріиль—смертоносецъ простретъ предъ ними свое черное покрывало...

А тамъ, во дворцѣ, точно на ширъ, умащается ароматными настоями дивная Шеризата; губы ея сжаты, очи горятъ, грудь, высоко вздымаясь, трепещетъ. Черныя невольницы одѣваютъ ее въ златотканныя одежды, перевязываютъ волосы зелеными перевязями, а царица—кадыня склонилась

головою на бѣлоснѣжныя руки свои, и думы, одна за другой, проносятся въ ея головѣ.

Вотъ дивный пророкъ повернетъ свой щитъ по другую сторону знойнаго неба, и надъ головой ея взвизгнетъ сверкающій ятаганъ, и яркія струи крови польются по трепещущему розовому тѣлу...

А вотъ великій тюре Наузрубай. Мрачно лежитъ онъ на пышномъ коврѣ, ломаетъ мощныя руки и схватился, и рветъ сѣдую бороду свою, шепча слова проклятья со словами молитвы. Старые глаза роняютъ жгучія слезы, и прожигаютъ онѣ пышный коверъ, и яркимъ слѣдомъ скользятъ по лицу султана.

Народъ вопить, народъ рыдаетъ, все волнуется въ царствѣ Наузрубая. Вотъ крикъ ужаса потрясъ всю площадь: на красномъ помостѣ показалась ослѣпительная кадья съ звенящей думрою въ дивныхъ рукахъ.

И схватился дрожащими руками за тронъ великій тюре, и дрожить на мощной шеѣ сѣдая голова его. Зоркіе глаза усталились на дивную Шеризату; и ужасъ и проклятія рвутъ его сердце, а кровь такъ больно жжетъ его жилы.—Ахъ, какая была безумная клятва! Какъ наказаль Пророкъ!

Вотъ рѣкой полилась звонкая пѣсня кадьяни:

Надъ міромъ когда-то волшебная фея
Царила и властно, и кротко;
И были тогда добродѣтельны люди,
И чудное время то было.

Но вотъ ухищреньями злобнаго духа
Создалось изъ желчи волчицы
Чудовище змѣй съ ядовитою пастью,
И имя ему было: „Злоба“.

И страшно, и смѣло та Злоба возстала
 Въ борьбу съ чудноокою феей;
 И много людей, прежде добрыхъ и честныхъ,
 Она отравила тѣмъ ядомъ.

И скоро по міру отъ яда отравы
 Пошли межъ людей ссоры, распри...
 Забыли они про красавицу фею
 И стали лить кровь своихъ близкихъ.

И тотчасъ волшебная скрылась царица
 На небо святое къ пророку;
 И, тамъ пребывая, о людяхъ скорбѣла,
 Что тѣ въ преступленьяхъ погрязли.

Но всежъ на землѣ оставались святые,
 Которыхъ ядъ злобнаго змѣя
 Не смогъ отравить, они помнили твердо
 Про чудную дѣву-богиню.

И скоро они по завѣту царицы
 Возстали спасать міръ отъ крови,
 И властно они всѣхъ людей призывали
 Бороться со злобой—прощеньемъ...

И такъ поучали, что надо бороться
 Не силой, не петлей, не мщеньемъ,—
 Одной лишь любовью... Той дивною феей,
 Которую люди забыли.

„За зло дай добро“, говорили пророки,—
 „Добромъ ты исправишь злодѣя,

„И онъ возвратится къ тебѣ, обновленный,
„Покорный любви обаянью“.

Великій тюре! Ты отравленъ тѣмъ змѣемъ,
Что вышелъ изъ желчи волчицы...
Но ты не поддайся жестокимъ навѣтамъ,
Открой двери сердца богинѣ!

И знай, что страшно можетъ быть преступленье, —
Карать его много страшнѣе...
Не карой справишь ты злобную волю,
А лаской, прощеньемъ, любовью...

О, сжался, тюре, надъ царевичемъ сыномъ,
И пусть, покоренъ добротою,
Онъ станетъ прекрасный, душой возродится
Для добраго счастья народа.

Все царство твое велико и обширно,
И въ мірѣ тебя знаменитѣй
Нигдѣ не найти... и прощу тебя, властный,
О, будь же силенъ и любовью.

Помилуй, султанъ, ты царевича Ляйли:
Пусть славный на благо народа
Онъ мощно растетъ... свою клятву же смерти
Прими на себя, будь отважнымъ.

И пусть я умру передъ казнью безстрашно,
Склоняюсь я, вѣря султану:
Онъ мощный и славный, и доблестно приметъ
Грѣха своего искупленье.

Кончила чудноокая Шеризата свою пѣснь, и въ воздухѣ повисли стенанія.

— Прости своего сына царевича Ляйли!—глухо стонали въ толпѣ.—Прости нашихъ дѣвъ и отцовъ! Прими на себя свою клятву, султанъ!

И гнѣвно дернулъ себя за сѣдую бороду тюре и крикнулъ:

— Нѣтъ!—сурово махнулъ онъ рукою, и уже приблизился къ золотокудрой кадынѣ съ кривымъ ятаганомъ палачъ, какъ внезапно съ неба ударилъ громъ, всѣ попадали на колѣна и смотрѣли въ ужасѣ: на бѣлыхъ крыльяхъ, несомая громаднымъ огненнымъ ангеломъ, поднимается къ небу Шеризата, вся бѣлая, какъ лебедь.

И никто не могъ двинуться: всѣ окаменѣли и въ молчаніи смотрѣли, какъ уносится отъ нихъ бѣлое видѣніе. Но ихъ молчаніе смѣнилось криками и ужасомъ, когда они увидѣли, какъ горячій вихрь засыпаетъ ихъ султана желтой пылью... Вихрь вѣялъ вокругъ неподвижнаго Наузрубая до тѣхъ поръ, пока онъ не обратился со своимъ трономъ въ безформенное возвышеніе, похожее на сѣдую скалу пустыни. И разбѣжался народъ изъ города въ страхѣ.

Такъ окаменѣлъ жестокій султанъ. На каменномъ тронѣ сидитъ онъ недвижимый, какъ священная гора Магомета. И вѣпился онъ костлявыми руками въ сѣдую бороду свою и такъ замеръ въ беззвучномъ ужасѣ, весь сѣрый, засыпанный сѣдымъ пескомъ.

И долго такъ будетъ сидѣть ханъ Наузрубай. Все царство его умерло, и дома обратились въ развалины, а властитель Суклыка все сидитъ и сидитъ, пока не позоветъ его на всесильный судъ Божій гнѣвный пророкъ.

А рѣдкіе путники, которые посѣщаютъ пустыню Суклыкъ, всегда стараются миновать со своими верблюдами

это мѣсто, какъ можно, скорѣе. Неприятно и страшно про-
 ѣзжать по странѣ гнѣва Божія; всего же страшнѣе взглянуть
 на скалистое возвышеніе, представляющее, если взглядѣться
 пристальнѣе, подобіе засохшей человѣческой фигуры, съ
 искаженнымъ безуміемъ лицомъ, съ высохшими руками,
 вцѣпившимися въ сѣдую бороду, спускающуюся къ ногамъ.

Это и есть Наузрубай Наказанный, властитель Суклыка.

Н. Крашенинниковъ.

дѣл
ост
ши

гдѣ
Гра
пан

дѣл
ков
за

сто
дав

ВАСЬКА ГРАЧЬ.

РАЗСКАЗЪ.

Васькѣ Грачу было всего на всего восемь лѣтъ. Ходилъ онъ въ отцовскихъ шапкѣ и сапогахъ, и съ головой, остриженной наскоро материной рукой. Считалъ себя большимъ и умнымъ, и водилъ компанію съ дачными господами.

Господа эти носили пинжаки со свѣтлыми пуговицами, гдѣ-то учились, но, по мнѣнію Грача, ничего не стоили; Грачъ дѣлалъ имъ большое одолженіе, водя съ ними компанію.

Компанейство заключалось въ томъ, что господа продѣлывали надъ Грачемъ разныя штуки: пускали ему жуковъ за пазуху, устраивали изъ него мельницу или, держа за руки и за ноги, полоскали въ рѣкѣ.

Грачъ относился къ этимъ штукамъ презрительно, достоинства не терялъ и на господъ не сердился, ибо зналъ давно, что на глупыхъ не сердятся.

Жилъ Грачъ на улицѣ: на рѣкѣ, въ лѣсу, у господъ въ садахъ. Домой приходилъ только обѣдать и спать. Дома его всегда встрѣчала мать сердитымъ окрикомъ:

— Ты гдѣ это, бѣсенокъ, пропадаешь?

На что Грачъ, степенно вытеревъ пальцемъ подъ носомъ и не удаивая матери взглядомъ, важно отвѣчалъ:

— Компанилъ съ господами.

Потомъ ему надоѣли безтолковые материны вопросы, и онъ, проворчавъ въ отвѣтъ:—Ладно!—съѣдалъ щи или тюрю и уходилъ на улицу...

Разъ Грачъ сидѣлъ на берегу рѣки въ оврагѣ, подъ корягой, и разсматривалъ сѣренькую ящерку, которая чesала о сучокъ свой языкъ. Подъ корягой было сыро и прохладно, ящерка была такая маленькая, что ее можно было зашибить однимъ пальцемъ, и Грачу не хотѣлось уходить отсюда.

Сверху принеслись голоса:

— Грачъ, идемъ купаться!..

— Грачъ, ай!

Грачъ нехотя поднялся и полѣзъ кверху, гдѣ увидалъ знакомыхъ господъ. Ихъ было трое: Петька, Генька и Волька. Шли они съ полотенцами.

— Грачъ, купаться!..

— Иду, ужъ!—сердито буркнулъ Грачъ.

— Грачъ, ты что сердитый?—спросилъ Генька.

— Такъ себѣ, ничего. Было, да проѣхало,—важно отвѣтилъ Грачъ.

— Грачъ, а ты лѣшаго видѣлъ?—спросилъ Волька.

— Самъ такой!—огрызнулся Грачъ.

— Нѣтъ, правда, Грачъ!.. Ты поди посмотри, онъ въ лѣсу живетъ... Только ночью... Интересная штука!

- Онъ испугается,—замѣтилъ пухлый Петька.
- Бабка твоя спужается, а не я!—поправилъ Грачъ.
- А не пойдешь!..
- Поиду!..

Купались съ мостковъ, устроенныхъ нарочно для купанья на глубокомъ мѣстѣ.

Раздѣлись. Грачъ стоялъ на краю и степенно потиралъ тонкія угловатыя ноги. Потомъ выпрямился и почувствовалъ, что его толкнули. Онъ мотнулъ головой и, не успѣвъ закрыть глаза, ухнулъ въ воду. Сверху такнуло, передъ глазами мелькнуло что-то щетинистое, глазастое, огромное, и кто-то схватилъ за ногу.

„Должно, водяной,—подумалъ Грачъ.—Теперь утянетъ въ водянову хату“...

— Оказалось, что за ногу схватилъ Генька.

Вытащенный Грачъ влѣзъ на мостки, отфыркнулся и, проворчавъ:

— Окаянные!—отвернулся отъ господъ, которые громко хохотали.

— Что, Грачъ, водяного видѣлъ?

— Видѣлъ, да не сказывалъ!—спокойно отвѣтилъ Грачъ.

Когда онъ пришелъ обѣдать, мать снова зыкнула на него:

— Куда, тебя, чертенка, носило?

Грачъ степенно потеръ спину и, не глядя на мать, отвѣтилъ:

— Водяного смотрѣть ходилъ!

На другой день къ вечеру Грачъ пошелъ въ лѣсъ искать лѣшаго. Въ лѣсу было уже сумрачно, особенно внизу. Только верхушки деревьевъ краснѣлись, да между листьевъ бѣгали золотые зайчики. Стояла сумеречная ти-

шина, и пахло гнилой травой и грибами. На полянкахъ было свѣтлѣе, и стрекотали кузнечики, да неслышно летали вечернія бабочки. И пахло по другому: росой и цвѣтами.

Грачъ сѣлъ на пенъ, чтобы обдумать. Мимо прогудѣлъ жукъ. Грачъ махнулъ палкой, и жукъ звучно шлепнулся въ траву.

Вокругъ пня спѣшили, доканчивали работу муравьи; впереди, изъ самой кучи, вырытой кротомъ, торчаль покровившійся мухоморъ. Въ лѣсу защелкала вечерняя птичка. Подуло холодомъ.

Грачъ отодралъ отъ пня кусокъ коры, пустилъ имъ въ мухомора и подумалъ:

„Не иначе, какъ въ Благининскомъ оврагѣ, подъ корягой... Пусть стемнѣетъ подюжбѣй...“

Въ лѣсу стало совсѣмъ тихо, только изрѣдка что-то похрястывало. Вечерняя птичка стала щелкать рѣже, и совсѣмъ смолкла, должно быть, уснула.

Когда мухоморъ сталъ пропадать изъ глазъ, Грачъ рѣшилъ, что пора. Онъ забралъ свою палку и отправился въ Благининскій оврагъ.

Дорога была знакомая, и Грачъ шелъ увѣренно. По пути осматривалъ всѣ овражки, ложбинки и коряги; продирался въ чащу мелкаго и ссохшагося ельника, заглядывалъ въ старыя дупла и постукивалъ по деревьямъ, внимательно всматриваясь вверхъ.

Въ Благининскомъ оврагѣ, подъ корягой, было сыро и совсѣмъ темно: ничего не видно.

Грачъ распластался на животъ, подлѣзъ подъ корягу и сталъ шарить рукой. Попадались мокрые, сопрѣвшіе листья, и попадался старыи разбрюзгныи грибъ.

— Ишь-те занесло!—сердито проворчать Грачъ, вытирая о рубаху руку.

Лѣшаго подѣ корягой не оказалось.

Грачъ отправился въ другія мѣста. Осмотрѣлъ Брюховскій, Верпковскій овраги, всѣ знакомыя дупла и щели и вышелъ снова на полянку, и растянулся на росистой травѣ.

— Ну его!.. Ищи!.. Небось, самъ придетъ... Обожду не дюже!..

Внизу тоже стемнѣло: только и виднѣлись черныя стволы да темныя пятна на полянкѣ. Въ лѣсу заплакала сова, и сдѣлалось еще тише, точно все притаилось.

Грачу надоѣло смотрѣть въ темноту, и онъ закрылъ глаза.

Когда Грачъ вновь ихъ открылъ, на полянкѣ стало свѣтлѣе; трава выросла выше, покачивалась и что-то шелестѣла. Грачъ лежалъ подѣ поваленнымъ деревомъ, и отъ дерева было тепло. Впереди на тонкой ножкѣ щурился и дразнился краснымъ язычкомъ мухоморъ.

— Погоди, ужю! Я тебѣ подразнюсь!—погрозился Грачъ.

По полянкѣ прямо на Грача скакалъ, пугливо озираясь, сѣрый заяцъ. Грачъ притаился и, когда заяцъ шелъ мимо, схватилъ его за ухо.

— Чего берешься?—огрызнулся заяцъ.

— Ишь ты, говорить можеть!—удивился Грачъ.—Ну, коли такъ, сказывай, гдѣ лѣшій?

— Мы не здѣшніе!—пискнулъ заяцъ.

Грачъ выпустилъ зайца, и тотъ, такъ же пугливо озираясь, поскакалъ дальше.

Пролетѣла сова и пробурчала что-то сердитое. Изъ лѣсу, тяжело дыша и хрустя сучьями, вышелъ медвѣдь.

„Ну его! Еще сожреть!“ — подумалъ Грачъ, забираясь подъ дерево.

Медвѣдь прошелъ мимо Грача и, почесывая спину, сказалъ:

— Зря ты забрелъ сюда. Не охочь „онъ“ до людей-то.

— Ладно, не покажемся! — прошепталъ Грачъ.

Въ кустахъ завозились пичужки и быстро-быстро заболтали тоненькими голосками что-то такое, чего Грачъ не могъ разобрать. Гдѣ-то задолбилъ дятель, и дерево жалобно застонало.

На полянку выскочилъ взлохмаченный волкъ, присѣлъ недалеко отъ Грача, сталъ чесаться и заворчалъ:

— Не житье, а каторга!. Въ печку слазить, попариться неколи!.

Опять прискакалъ заяцъ, остановился около волка и печально спросилъ:

— Ка-бы мнѣ, милачокъ, въ Ересино пройти? Не здѣшніе мы, заблудимшись!.

„Эвона куда забрелъ! — подумалъ Грачъ. — Почитай, верстовъ пять!“

Волкъ махнулъ лапой на поляну и, не глядя на зайца, сказалъ:

— Туда ступай!.

Около Грача что-то треснуло и охнуло. Онъ оглянулся: отворотивъ землю, наружу вылѣзла шероховатая шалка мухомора и съ изумленіемъ оглядывалась кругомъ. Въ комкѣ отвороченной земли ворочался красный червякъ и отчаянно ругалъ мухомора за безпокойство.

На полянкѣ поднялся шумъ: это трава бранилась съ кротомъ, который подрывалъ имъ корни.

Птицы продолжали быстро и безтолково болтать,

дятель все долбилъ, отчего дерево ныло,— и по всему лѣсу стоялъ такой гамъ, точно собралось много мужиковъ, и всѣ сразу заговорили...

Тутъ Грачъ услыхалъ легонькѣй свистъ, и изъ-за деревьевъ вышелъ старичокъ, съ длинной зеленой бородой, въ сѣрой рубахѣ и босой.

— Полно браниться-то!—сказалъ старикъ. — Миркомъ да ладкомъ, всѣмъ мѣста хватитъ!

Погладилъ проходившаго мимо ежика; заглянулъ въ кусты, ласково сказалъ:

— Чего вздорите? Это твое гнѣздо, а это твое. Своихъ дѣтей не признала? — послѣ чего птичья болтовня въ кустахъ прекратилась.

Около самага Грача старичокъ нагнулся къ травкѣ и расправилъ листокъ, который никакъ не могъ развернуться. Потомъ осмотрѣлъ полянку, содралъ съ березы бересты, сѣлъ на пенъ и сталъ плести лапотъ.

„Это лѣшій!—подумалъ Грачъ.—Ой, не страшный!“

Старикъ плелъ лапотъ и запѣлъ. Когда раздалась пѣсня, въ лѣсу все стихло. Мухоморъ пересталъ дразниться, травы безшумно закачались; дятель кончилъ долбить, и дерево больше не стонало.

Пѣлъ старикъ разными голосами, то звонко, серебрясто, пересыпаясь трелью, то жалобно, какъ плачетъ въ сумерки иволга. И рѣзко свирѣльные напѣвы переходили въ жуткое рычанье, въ крикъ медвѣдя, въ жалобы волка, въ рыданье зайчишки. И снова, точно уставалъ старикъ жаловаться, рыканье смѣнялось тихимъ звономъ голубыхъ колокольчиковъ и еле слышимымъ, какъ дыханье травъ, шопотомъ.

Пѣлъ старикъ о томъ, какъ живутъ маленькѣя пичужки,

66
су
и
вь-
вь-
мъ
вь-
во-
вь-
и
ся.
ы,
ия,
вы
во
ш-
вь-
ли
за,
къ
хъ
зъ,
ли,

Скромный и великий в лесу и в поле
Скромный и великий в лесу и в поле

звонкой пѣсней встрѣчающія солнце, какъ беззащитныя травы цѣлуютъ своими корешками землю и, умывшись изумрудной росой, весело ласкаются съ переливчатыми мотыльками. Пѣль о волчьей обидѣ, о зимней радости глупаго зайчишки; пѣль о вѣчной тоскѣ бездомной кукушки, о старомъ дубѣ, который усталъ держать на плечахъ своихъ раскидистую шапку... Пѣль о жестокомъ человѣческомъ сердцѣ, приходящемъ погубить и ласковую травку, и обиженнаго волка, и бѣленькую пугливую березку. Пѣль о радости, приносимой солнечными лучами, о мягкихъ лужайкахъ, гдѣ беззаботныя стрекозы водятъ веселые хоры, о нарядныхъ мотылькахъ, пьющихъ сладкій сокъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ...

Пѣль, — и на полянѣ свѣтлѣло и оживало. Гдѣ-то, сперва осторожно, потомъ бодрѣе, стала подпѣвать птичка, другая, — и скоро уже цѣлый хоръ подпѣвалъ старику.

Пѣль старикъ и ширился, расплывался. Пропаль лапоть, рубаха, борода. — и только бѣлое облачко плавало надъ пенькомъ. Поднялось и, ширясь, улетѣло кверху, къ небу...

Грачъ проснулся. Открылъ глаза и увидать, что онъ лежитъ на самой полянкѣ. Ночь уже прошла. Солнце пробиралось сквозь деревья и блестѣло на мокрой травѣ. Звонко пѣли птицы. Надъ поляной снова летали бабочки, и снова пахло росой и сладкой карамелью.

Мухоморъ, яркій и влажный, стоялъ на томъ-же мѣстѣ, посреди кучи, вырытой кротомъ. Грачъ вспомнилъ, какъ онъ дразнился, скovyрнулъ его ногой и пошелъ изъ лѣсу.

Дома его встрѣтила мать. Потянулась къ отцовскому ремню, висящему на гвоздѣ, и строго спросила:

— Гдѣ пропадалъ, дьяволенокъ?

Грачъ презрительно скосился на ремень и, рѣшительно отвернувшись отъ матери, произнесъ:

— Лѣснаго смотрѣть ходилъ!

Мать взяла Грача за воротъ и стала стегать, приговаривая:

— Не ходи по ночамъ! Не ходи по ночамъ!

На что Грачъ такъ-же презрительно отвѣтилъ:

— Ладно ужъ! Не буду!

Д. Шамбуровъ.

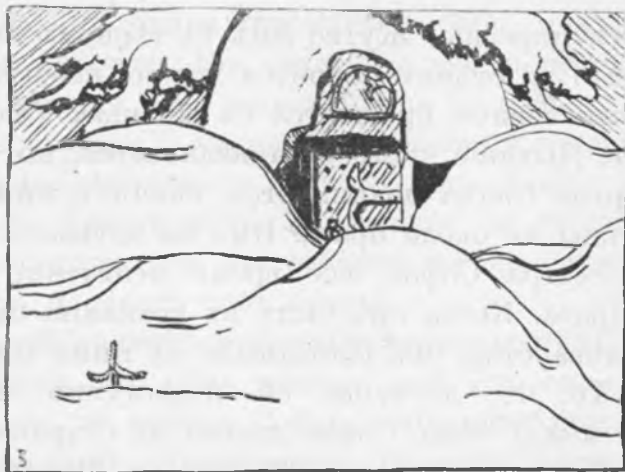

СНѢГУРОЧКА ВЕСНОЮ.

Прилетѣли черные грачи,
 Кажеть мѣсяць по ночамъ рога:
 Свѣтъ солнце вешніе лучи—
 Таютъ, таютъ бѣлые снѣга.
 Дѣдъ Морозъ Снѣгурочкѣ сказалъ:
 — Ты, Снѣгурка, доченька моя;
 Для тебя мѣстечко я сыскалъ,
 Отъ Ярилы-Солнца утая.
 Тамъ въ избѣ укройся до зимы.
 Будутъ зайныки тебѣ служить,
 Будутъ сѣрые постель стелить.

Вкругъ избушки—снѣжные холмы.
Всѣ пути порошей занесеть,
Лисы снѣгъ хвостами заметутъ,
Дверь въ избушку накрѣпко замкнутъ—
Солнце путь къ Снѣгуркѣ не найдетъ.
Мчитесь, мчитесь, вешніе лучи—
Не сломать Снѣгурочкинъ домокъ!
Лейтесь, лейтесь, теплые ручьи—
Не залить Снѣгуркинъ теремокъ.

СЕРГѢЙ РАЕВСКІЙ.

ЦАРЕВНЫ.

Томятся царевны. Жутко имъ въ тѣсномъ теремѣ. Знаютъ онѣ, что за стѣною творится что-то необычное: царь Федоръ Алексѣевичъ прощается съ жизнью. Уже безъ сознанія онъ. Дыханіе часто останавливается, но время отъ времени грудь слегка поднимается: значить, живъ еще. Почему царевны не около брата? Имъ бы хотѣлось быть тамъ! Она, ихъ сестра Софья, все время неотлучно у постели больного брата. Когда онъ былъ въ сознаніи, она сама давала ему лѣкарства, она бесѣдовала съ нимъ и его приближенными. То, что доступно ей—недоступно имъ, ся сестрамъ. А между тѣмъ Софья далеко не старшая: ей всего 25 лѣтъ. Евдокія, старшей, 32 года, а Марфѣ—30 лѣтъ. Остальныя три моложе Софьи. И всѣ онѣ принуждены сидѣть въ теремѣ за пѣльцами въ то время, какъ тамъ, за стѣною, борется жизнь со смертью: умираетъ ихъ любимый братъ. Какъ два стража, сидятъ тутъ же ихъ старыя тетки,

Тате
въ
апрѣ
когда
то т

кафт
лѣтъ

вляе
Слеэ

при
кабъ

логѣ
а то

Мих
дарѣ
казн
лату

кая
брат
муш
ситъ
прип

Татьяна Михайловна и Анна Михайловна. Старья, сѣдя, въ подубрусникахъ и тѣлогрѣяхъ, несмотря на погожій апрѣльскій день. Душно въ теремъ, жарко натоплено, и никогда не открываются слюдяныя окошечки. Пахнетъ какими-то травами, и немолчно трещитъ за печкой сверчекъ.

— Въ послѣдній разъ нанизывала жемчугъ братцу на кафтанъ,—говоритъ Екатерина, здоровая, двадцати-четырёхлѣтняя дѣвушка, съ такими темными, быстрыми глазами.

— А я братцу воротникъ шелками вышивала,—вставляетъ младшая, Ѳедосья. Голосъ ея дрожитъ и обрывается. Слезы бѣгутъ по розовымъ щекамъ.

— Братецъ насъ любилъ,—тихо вздыхаетъ Марія,—при немъ мы свѣтъ увидѣли: онъ намъ волю давалъ. Ахъ, кабы Богъ ему здоровье послалъ!

Старая тетка Анна Михайловна угрюмо качаетъ головой:

— То-то пословица говоритъ: у бабы, молъ, волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Вы, что малые ребята, на волю рветесь, а того не вѣдаете, что воля вамъ не на пользу, а во вредъ.

— И то сказать,—укоризненно качаетъ головой Татьяна Михайловна,—распустилъ васъ братецъ вашъ, царь государь Ѳедоръ Алексѣевичъ. Не зазорно ли дѣвицѣ царскою казною распорядиться? Не зазорно ли въ оружейную палату ходить и оружіе себѣ брать?

— Не себѣ, не себѣ!—вскричала, вся вспыхнувъ, Екатерина.

Она знала, что рѣчь идетъ о ней. Это она, самая бойкая и смѣлая, не считая Софьи, злоупотребляла довѣріемъ брата и не разъ пользовалась царскою казною. Оружіе, мушкеты, карабины, пищали, тоже заставляла она принести къ себѣ въ теремъ, чтобы надѣлать при случаѣ своихъ приверженцевъ.

— Знаю, что не себѣ. Да и то зазорно, что дѣвица

такими вещами занимается. Не пристала, не къ лицу вамъ эта свобода. Что бы маменька ваша покойная сказала! При ея то жизни тишина и благолѣпіе въ теремѣ царили. Ни пѣсенъ, ни праздныхъ рѣчей, ни пустословія... Однѣ молитвы да богоугодныя рѣчи. Бывало, къ Троицѣ поѣдетъ, заберетъ всѣхъ васъ съ собой въ возокъ... Сама покойница государыня Марья Ильинишна пѣпечкомъ идетъ, а вы всѣ, мать мала меньше, въ возкѣ. Бывало, накупить вамъ игрушекъ и разныхъ гостинцевъ: калачиковъ пшеничныхъ сдобныхъ, яблокъ садовыхъ, рязани, орѣхъ. А сама все пѣшкомъ да пѣшкомъ: подвигъ свой совершаетъ. Изъ деревень крестьяне повыйдутъ, попы съ попадьями, и каждый несетъ ей даръ,

КРЕМЛЕВСКІЕ ТЕРЕМА. СЪ ГРАВЮРЫ 1789 Г.

кто
кто
кажд
и гр
вида
ея см
она,
Бога

вори
тѣши
съ со
съ су
ревко
меді
тикъ
завел
чара
Туть

С
еть в
Матв
теток
много
всей
ситель
мани
Онѣ

Алексѣ

кто что можетъ: кто хлѣбъ-соль, кто пирогъ или калачъ, а кто ягоды, клюкву, квасъ, брагу. А она, голубушка моя, cadaго одѣлать, никого не забудеть: кому алтынъ, а кому и гривну. Великая подвижница, молитвенница и милостивица была... И за то ей Богъ счастья послалъ! До самой ея смерти тишина великая на Руси была. А какъ умерла она, такъ все прахомъ пошло: новшества начались, люди Бога стали позабывать, бѣса тѣшить...

— Какъ же это, бѣса тѣшить?—спросила Екатерина.

— А очень просто: кто скверныя и блудныя рѣчи говоритъ, пѣсни бѣсовскія поетъ, игры заводитъ,—тотъ бѣса тѣшить. Бѣсъ тутъ, какъ тутъ. Разъ какъ-то шелъ человекъ съ софлами, а по немъ много народу, кто съ гуслими, кто съ сурнами, а бѣсъ то тутъ, какъ тутъ: онъ ихъ всѣхъ веревкою опуталъ, да прямо въ адъ совлекъ... Тоже вотъ комедійное дѣйство. Не было никогда такого грѣха, а какъ еретикъ и измѣнникъ Артамошка *) у себя комедійное дѣйство завелъ да мусику на нѣмецкій ладъ затѣять, такъ и опуталъ чарамъ покойнаго царя государя Алексѣя Михайловича... Тутъ и душеньку его діаволы изловили.

Сестры переглянулись. Онѣ знали, что тетка разумѣетъ второй бракъ Алексѣя Михайловича на воспитанницѣ Матвѣева, Натальѣ Кирилловнѣ, и знали, что, по мнѣнію тетокъ, этотъ бракъ погубилъ отца и повлекъ за собой много бѣдъ. Но младшія, Екатерина, Марія и Федосья, при всей своей нелюбви къ мачехѣ, никакъ не могли согласиться, что все новое и прекрасное, которое ихъ такъ манило, непременно связано съ именемъ царицы Натальи. Онѣ помнили, какъ трогательно разыгрывалась комедія

*) Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, усердно заводившій при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ „нѣмецкіе“ обычаи.

Эсеирь на сценѣ комедійной палаты Кремлевскаго дворца, и какъ онѣ, тогда еще дѣвочки, жадно слѣдили изъ потаеннаго мѣста за трогательной судьбой еврейки Эсеири, и какъ волновались онѣ, когда замышляли козни противъ Мардохея злой и коварный Аманъ, и какъ страшно радовались, когда въ концѣ концовъ царь велѣлъ Амана повѣсить, а Мардохея вознаградить и приблизить къ себѣ. Вѣдь это же и было то новое, на которое нападали тетки, но что вносило такое разнообразіе въ ихъ замкнутую теремную жизнь. Поэтому младшія царевны испытывали такія страшныя колебанія при этихъ нападкахъ тетки на новшества ихъ отца. Но старшія, Евдокія и Марѳа, уже отцвѣтшія, уже отказавшіяся ото всѣхъ жизненныхъ утѣхъ, сочувственно кивали головами. Онѣ во всемъ подражали теткамъ и старались поддерживать ихъ. Отцвѣтающія перелѣтки, онѣ, постомъ и молитвою, погасили въ себѣ бурные порывы молодости.

— Царица!—насмѣшливо задрезжалъ старшій голосъ Анны Михайловны, и сестры знали, что тетка имѣетъ въ виду Наталью Кирилловну.—Царица!.. тоже чванится, носъ деретъ, а забыла она, какъ въ Смоленскѣ жила, да въ лаптяхъ хаживала... Кабы не Артамошка, не бывать бы ей въ царицахъ.

Глаза старой тетки горѣли безсильной злобой. И вдругъ дверь въ теремъ приоткрылась, и къ царевнамъ вошла та, о комъ только что рѣчь была. Это была царица Наталья Кирилловна. Она была прекрасна въ своей все еще цвѣтущей красотѣ, съ такимъ свѣжимъ румянымъ лицомъ и большими открытыми сѣрыми глазами, и ямочкой на подбородкѣ. Старушечій вдовій треухъ на головѣ не дѣлалъ ее старой, а подъ длинной до пяты тѣлогрѣей съ висящими

рца,
ота-
и, и
ливъ
адо-
овъ-
ебъ.
тки,
те-
та-
нов-
от-
ѣхъ,
кали
ере-
ные
юсъ
въ
юсъ
лап-
ѣ въ
ругъ
та,
мья
двѣ-
омъ
на
галь
ими

Проталина.

ПОВЕДКА ЦАРИЦЫ НА БОГОМОЛЬЕ. СЪ КАРТИНЫ ШВАРЦА.

ниспадающими рукавами, съ широкою опашницей изъ парчевой ткани, обрисовывалась ея фигура, стройная, гибкая, хотя нѣсколько полная. Передъ царицей Натальей Кирилловной бѣжали карликъ Хомякъ и дурка Манка, вѣчные ея спутники. Они сейчасъ же затерялись въ толпѣ карловъ, шутовъ и шутихъ, которыми полонъ былъ теремъ, но вели себя, соотвѣтственно торжественной минутѣ, чинно. Царица Наталья низко всѣмъ поклонилась и сѣла. Ее встрѣтили отвѣтнымъ поклономъ.

— Гдѣ же царевичъ, Петръ Алексѣевичъ?—не безъ ехидства спросила Анна Михайловна.

— Царевичи оба, и Петръ, и Иоаннъ, при благовѣрномъ братѣ своемъ, и дядьки ихъ съ ними. Все ждутъ, что царь государь волю свою объявитъ. Только мнится мнѣ, не придетъ онъ болѣ въ себя, не скажетъ, кому на престолѣ быть.

— Кому?! Не миновать старшого,—злобно прошептала Татьяна Михайловна.

Царевичу Иоанну было 16 лѣтъ, а Петру всего десять. Но царевичъ Иоаннъ былъ слабъ разсудкомъ, поделѣповать, болѣзненъ, и хилъ. За Иоанномъ стояла партія Мцлославскихъ, очень многочисленная, за Петромъ—партія Нарыпкинскихъ.

— Царица Марфа Матвѣевна совсѣмъ безъ памяти.—смирненно продолжала Наталья Кирилловна.—Ее къ государю царю Θεодору Алексѣевичу ужъ и не пускаютъ: она въ модельнѣ лежитъ, и, какъ въ себя придетъ, такъ и завостъ.

Младшія сестры переглянулись, вспыхнули и вдругъ зарыдали. Карлы, шутихи и дурки—приняли это за сигналъ и тоже завыли. Анна Михайловна и Татьяна Михайловна перекрестились.

— Божья воля!—сказала сдержанно Анна Михайловна.

ЦАРИЦА НАТАЛЪЯ КИРИЛЛОВНА.

— Скажи мнѣ, мать моя, — съ ехидствомъ спросила Татьяна Михайловна, обращаясь къ Натальѣ Кирилловнѣ, — правду ли бають люди, будто Артамонъ Сергѣевичъ скоро сюда будетъ?

— Мнѣ сіе не вѣдомо, — тихо покачала головой Наталья Кирилловна. — Царь государь Федоръ Алексѣевичъ, по заступничеству Марѣи Матвѣевны, еще будучи здоровъ, простилъ Артамона Сергѣевича за мнимыя вины его, и опредѣлилъ жить ему въ Лухахъ, а изъ дальней ссылки вернулъ. А только извѣстно, что тогда злые люди напраслину завели на Артамона Сергѣевича...

— Напраслину?! — вскричали въ одинъ голосъ обѣ тетки Анна Михайловна и Татьяна Михайловна, и старая, давно накипѣвшая злоба блестяла въ ихъ глазахъ.

Онѣ обѣ приподнялись, какъ бы желая накинуться на царицу Наталью Кирилловну, но въ это время торжественно и глухо ударилъ большой колоколъ, возвѣстившій о смерти царя Федора Алексѣевича. Всѣ вздрогнули и перекрестились. Душу раздирающей вои и плачь наполнилъ теремъ. Плакали и причитали царевны, вдругъ лишившіяся любимаго брата и покровителя. Плакали старыя тетки, пережившія своего внучатнаго племянника. Навзрыдъ рыдали карлы и карлицы, шуты и шутихи, татарки и калмычки, стараясь перекричать другъ друга. И плакала царица Наталья Кирилловна. Но плакала какъ то съ оглядкой, настораживаясь, къ чему то чутко прислушиваясь. И медленно, медленно тянулось время подъ этотъ неумолчный плачь, подъ глухое и злобѣщее гудѣніе большого соборнаго колокола.

Царевны еще не пришли въ себя отъ горя, какъ дверь безшумно отворилась, и въ теремъ порывисто и быстро вошла царевна Софья, а за нею верховая боярыня и мама

КОНЧИНА ЦАРЯ ОБЕДОРА АЛЕКСЬЕВИЧА. СЪ КАРТИНЫ ЛЕБЕДЕВА.

покойнаго царя, Анна Петровна Хитрово. Царевны встрепенулись, перестали плакать, всѣ подняли головы и жадными глазами впилсь въ сестру. Лицо царевны Софьи было сухо: она не плакала. Глаза ея горѣли зловѣщимъ, испепеляющимъ огнемъ. И вся она коренастая, слишкомъ грузная для своихъ 25-ти лѣтъ, съ короткими, точно обрубленными руками и ногами, съ большою четырехугольной головой, остановилась среди комнаты и такъ стояла, скрестивъ на груди руки.

„Скажи хоть слово, скажи одно слово“, говорили нѣмые и жадные взоры царевенъ, обращенные къ сестрѣ. И всѣ онѣ пугливо сбились въ кучу, какъ лани, застигнутыя бурей, и всѣ жались къ сестрѣ, пришедшей къ нимъ оттуда, гдѣ смерть только что навѣки сомкнула уста ихъ брата.

— Софья, что тамъ?— прошептала Екатерина, любимица Софьи, и подняла на сестру свои блестящіе темные глаза, глаза испуганной лани.

Но Софья молчала. Видно было, что въ ея душѣ бушуетъ буря, но она не хотѣла нарушить молчанія.

Тогда заговорила Анна Петровна Хитрово. Она была мамою усопшаго царя Ѳедора Алексѣевича съ самаго его рожденія. Подъ ея верховный надзоръ отданъ былъ царевичъ Ѳедоръ, родившійся такимъ хилымъ и слабымъ ребенкомъ. Его лелѣяла и пѣствовала она, за нимъ ухаживала она, какъ за слабымъ росткомъ, боявшимся и вѣтра, и солнца. И вотъ теперь Анна Петровна, послѣдняя, отошла отъ холоднаго тѣла своего питомца, обрядивъ его въ послѣдній дальній путь. И хотя, благодаря своему природному уму, она пользовалась почетомъ и уваженіемъ какъ при Марьѣ Ильиничнѣ, такъ и при Наталіи Кирилловнѣ, но любила она только

ТРОНЪ ЦАРЕЙ ІОАННА ІІ ПЕТРА АЛЕКСѢВИЧЕЙ

Милославскихъ, и смерть Ѳедора Алексѣевича была для нея истиннымъ неоправданнымъ ударомъ.

— Отдали послѣднее цѣлованіе царю государю, новопреставленному рабу Божію Ѳедору!—начала она торжественно и громко, а по морщинистымъ щекамъ ея медленно ползли тихія старческія слезы.

— Не успѣло остынуть тѣло усопшаго царя,—продолжала Анна Петровна,—а патріархъ Іоакимъ собралъ бояръ въ крестовой палатѣ и вопрошалъ ихъ: кому быть царемъ, како мните? А бояре отвѣтствовали: царевичу Петру!

Крикъ ужаса, негодованія, смятенія вырвался изъ устъ присутствующихъ. Молчала только Софья, тяжело дыша и сжимая кулаки. Молчала и Наталья Кирилловна, плотно закрывъ лицо обѣими руками и боясь выдать свое волненіе.

— Какъ могутъ бояре самовольно рѣшать! — гнѣвно воскликнула Анна Михайловна.

— А теперь собралъ патріархъ народъ московскій передъ краснымъ крыльцомъ и его вопрошаетъ: кому быть царемъ? И если народъ скажетъ: быть царевичу Петру! то будетъ ли въ томъ правда? вѣдь собрали народъ приспѣшники Нарышкиныхъ!

За стѣнами терема бушевала толпа. И кричали на перебой надрывающимися голосами, но что кричали, не было слышно. Чутко прислушались царевны, напряженно смотрѣли въ пространство ихъ жадные глаза, какъ бы стараясь проникнуть туда, за стѣны. Но доносился лишь неясный гулъ толпы.

Вдругъ вбѣжала Родимица, постельница и наперсница царевны Софьи. У нея было открытое и веселое лицо донской казачки, но, сейчасъ, она была блѣдна, и глаза были расширены ужасомъ:

— Народъ на площади выкрикнулъ царемъ Петра! Петру быть царемъ!—крикнула она.

Наталья Кирилловна открыла лицо, поднялась и всѣхъ обвела глазами, теперь такими блестящими и гордыми. Этотъ взглядъ былъ краснорѣчивѣе словъ. Она поклонилась всѣмъ, и затѣмъ, медленно и величественно, вышла изъ терема.

— Царица!..—насмѣшливо бросила ей взглядъ Анна Михайловна.

А Татьяна Михайловна злобно шипѣла:

— Меньшого помимо старшого... Бога они не боятся! Гдѣ наши то люди были? Какъ дали они совершиться такой неправдѣ?..

И всѣ смотрѣли на Софью.

Какъ могла она допустить свершиться такой неправдѣ? Не она ли, съ княземъ Голицынымъ, съ Хованскимъ и Иваномъ Михайловичемъ Милославскимъ неотлучно была около постели умирающаго брата? Не съ нею ли дѣлился братъ всѣми своими планами, пока не былъ еще такъ плохъ, а вѣдь это было совсѣмъ недавно? Не отъ нея ли зависѣло повернуть все дѣло въ пользу Милославскихъ?

— Софья!—вырвался не то вздохъ, не то стонъ изъ устъ сестеръ,—Софья!

Но Софья молчала.

Видъ на терема съ Кавалерской башни.

Лишь спустя нѣкоторое время, она встрепенулась, тряхнула головой, какъ бы просыпаясь отъ тяжелого сна, и сказала, расчлняя каждое слово:

— Пора и къ выносу. Пора воздать нашему благовѣрному брату, усопшему царю Ѳедору Алексѣевичу послѣднее цѣлованіе!

И лишь, когда тетки и сестры вышли въ спальную палату, чтобы одѣться для выхода, Софья остановила за плечи свою постельницу Родимицу и прошептала:

Стрѣльцы.

— Пойди завтра въ стрѣлецкую слободу, а за приказомъ ко мнѣ что говорить. придешь сегодня ввечеру. Поняла?

Родимица кивнула головой, а Софья поспѣшила къ выносу.

Тѣло усопшаго царя Ѳедора Алексѣевича несли въ Архангельскій соборъ именитые бояре. За тѣломъ шествовали только что избранный царь Петръ и царевичъ Іоаннъ, а за ними несли на носилкахъ полумертвую отъ горя юную царицу и уже вдову, Марѳу Матвѣевну, а за нею, подъ балдахномъ, шествовали царевны, старыя и молодыя. И дѣти боярскія несли съ обоихъ боковъ цвѣтныя сукна, въ видѣ ширмъ, чтобы ничей нескромный взоръ не могъ увидать царевенъ. Но царевна Софья не шла подъ балдахномъ. Она держалась недалеко отъ тѣла усопшаго брата и громко рыдала, причитая:

— Отошелъ въ вѣчность братъ нашъ, царь Ѳедоръ. Отравили его врачи зложелательные. Умилосердитесь надъ нами сиротами. Нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата. Старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство! А если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ.

Такъ причитала сквозь рыданія царевна Софья. И дивился народъ, дивились бояре. Жадно прислушались стрѣльцы къ причитаніямъ царевны. Подъ злыми ворогами кого разхмѣетъ царевна Софья? Неужели не своею смертию умеръ царь Ѳедоръ?

А если не своею, то кто же, кто отравилъ царя Ѳедора?

Воливался народъ. Злыя сомнѣнія заползали въ души. Чернымъ маревомъ вставала и глубилась злая сплетня. И стрѣльцы, изъ которыхъ не все присягнули десятилѣтнему Петру, возбуждено думали:

„Погоди-жь ты! Покажемъ мы боярамъ, какъ изводить царскій родъ!“

Горючій матеріалъ былъ на лицо. И достаточно было искры, чтобы вспыхнулъ пожаръ.

Е. БУЛТАКОВА.

Э
П
У
—
В
З
—
Н
К
М
Х
С
И
М

СЛЕЗКИ ЗИМЫ.

Взмѣнились въ снѣгу почернѣвшемъ проталинки
Подъ смѣющимся ласковымъ солнцемъ весны.
У поденѣжниковъ мальчикъ спрашивалъ маленькій:
— Отчего вы, цвѣточки, грустны? —

Вѣтерокъ перебрасывалъ волосы свѣтлые,
Звонкій голосъ далеко по лѣсу разнесъ.
— Отчего вы такіе, цвѣтки, незамѣтные? —
— Оттого, что мы вышли изъ слезъ!..

Насъ зима разроняла по лѣсу широкому,
Какъ пришла ей отсюда пора уходить.
Много плакала... Снѣгу велѣла глубокому
Хорошо насъ укрыть и взростить. —

Солнце издали въ окнахъ струилось золотомъ
И дрожало, какъ искорки, въ волнахъ волосъ.
Мальчикъ съ радостнымъ крикомъ промчался по комнатамъ:
— Мама, сколько я слезокъ принесъ!

Над. Ландская.

ВЕСНА.

Снѣгъ почти весь стаялъ: не можетъ онъ вытерпѣть яркаго весенняго солнца.

Куры на дворѣ весело кудахтали:—Кухъ-кудахъ-кудахъ!—Это они давали знать, что снесли яйца. Вышла гусыня и гоготала га-га-га — вела своихъ гусенятъ на рѣку купаться; за ней важно выступалъ гусакъ и шпѣлъ, вытягивалъ шею, чтобы никто къ гусенятамъ не смѣлъ подходить, ни Барбосъ, ни поросенокъ, который тутъ же хрюкалъ и чесался о корыто. Петя выбѣжалъ во дворъ и посмотрѣлъ вверхъ, не увидитъ ли веселаго жаворонка, но жаворонокъ полевая птичка, онъ не залетитъ во дворъ. Петя всюду уже наставилъ скворешень. Скворчихи устраивали гнѣзда, а скворцы сидѣли на крышахъ и скворешняхъ, поднявъ головы и, заливаясь, пѣли, а подъ шеями у нихъ тряслись бороды. Ручьи бѣжали весело—хорошо и корабликъ спустить. Сѣрый сибирскій котъ вышелъ на солнце, похаживать

по двору. Агатка съ Шуфкой бѣгали взапуски—всѣмъ было тепло и хорошо весной.

Петя постучалъ въ окошко къ сестрѣ и сказалъ.

— Мими, идемъ въ полѣ жаворонковъ слушать.

— Съ удовольствіемъ, да вотъ этотъ нѣмецкій; я скоро кончу, подожди,—отвѣтила Мими.

— Ты скорѣе, а то мнѣ мама велѣла на мельницу на осликѣ рожь свезти. Да надѣнь мои сапоги, въ калошахъ не пройдешь—топко.

— И правда,—сказала Мими и ушла переобуваться.

Когда Мими была готова, дѣти побѣжали въ поле.

Солнце пекло; пахло прѣлой землей.

— Слышишь,—сказалъ Петя и остановился.

Высоко, высоко надъ ними трепеталъ крыльями жаворонокъ и пѣлъ свою веселую пѣсню.

— Точно у меня въ сердцѣ поетъ,—сказала Мими,—а у тебя, Петя?

— Нѣтъ у меня ничего не поетъ, да вѣдь ты принцесса.

— А посмотри, жаворонокъ падаетъ.

Дѣйствительно, жаворонокъ точно упалъ съ неба на землю.

— Ищеть свое гнѣздо, сказалъ Петя — они хитрецы, ихъ гнѣздо никто не найдетъ.

— Неужели ты бы взялъ жаворонковы яйца, спросила Мими.

— Нѣтъ, конечно, но интересно видѣть гнѣздо.

Мими подумала и сказала:

— Знаешь, когда такъ землей пахнетъ — легла бы на землю и поцѣловала.

Петя посмотрѣлъ съ удивленіемъ на сестру.

— Миѣ не приходила охота цѣловаться съ грязной землей,—сказать онъ,—пойдемъ лучше, запрудимъ ручей.

Дѣти побѣжали къ узкому овражку, гдѣ шумѣла вода, а подъ водой была видна зеленая трава, нѣжная, какъ изумрудъ.

— Не запрешь, — рѣшилъ Петя, — за ночь вода вонъ какъ прибыла, идемъ на мельницу.

Когда Мими и Петя возвратились во дворъ, чтобы захватить ослика, — онъ стоялъ съ мѣшкомъ на спинѣ.

— Готовъ, — сказать весело Петя, и ударилъ его по боку, — ну, дружище, поѣдемъ.

Осликъ покорно потрусилъ мелкой рысцой. Онъ на этотъ разъ не упрямился, зная, что ему на мельницѣ дадутъ овса. Онъ не былъ такъ ужъ глупъ, какъ думала Мими.

На мельницѣ было много народу. Вода съ ровнымъ шумомъ падала на колесо, и оно, нехотя, поворачивалось; стояли лошади съ возами, нагруженными хлѣбомъ. Внутри мельницы было душно и пыльно. Нѣсколько мужиковъ сидѣли — дожидались, чтобы имъ смолотли хлѣбъ. Петя естественно поздоровался съ мужиками, прошелъ къ ковшамъ, взялъ муку, которая сыпалась черезъ лотокъ изъ подъ жернововъ въ ларь.

— Тепловата мука, — сказать Петя мельнику.

— Хозяинъ добрый будетъ, — замѣтили мужики.

— Камень ковать надо, затираеть, вотъ и тепла мука, — отвѣтилъ мельникъ.

Петя велѣлъ снять мѣшокъ съ ослика и смолотъ рожь. Петя былъ очень доволенъ, что его похвалили мужики; онъ попрощался съ ними и вышелъ изъ мельницы, онъ былъ весь запыленъ мукой. Мими въ это время наблюдала за утятами, которые плескались за колесомъ мельницы. Когда

она бросала имъ просо, утята быстро совали голову въ воду, а хвосты у нихъ торчали вверхъ. Утята ловко вылавливали носами просо изъ воды. Мими очень забавляла эта суматоха утятъ.

— Пора обѣдать,—сказалъ Петя.

— Ты что какой?..—спросила Мими.

— Какъ какой?

— Да очень важный.

— Какъ всегда,—отвѣтилъ Петя, и вдругъ сконфузился.

Мими хитро прищурилась и сказала.

— Меня не проведешь, ты думаешь, что совсѣмъ большой и хозяинъ, а ты еще маленькій.

Мими засмѣялась и убѣждала.

Мельникъ смололъ рожъ и навалилъ на ослика, Петя погналъ его домой... Солнце садилось, поднимался туманъ съ рѣки, стало подмораживать, похрустывало подъ ногой. Петя позвалъ кучера снять мѣшокъ, пошелъ къ матери, рассказалъ ей, что рожъ смололъ и муку велѣлъ ссыпать въ ларь на погребницу. Мама осталась довольна Петей. Мими пришла съ птичьяго двора, рассказала Петѣ, что его любимецъ, Петька-Пѣтухъ дрался съ индюкомъ и побѣдилъ его. Дѣтей позвали ужинать. Такъ прошелъ первый весенній день.

М. ТУРГЕНЕВА.

ВО ДВОРЬ БОЛЬШОГО ДОМА.

ВЕЧЕРЬ У НАДИ.

Папа и мама ушли въ гости.

Петя-Паучекъ сидитъ у себя въ комнатѣ. Ему велѣли готовить уроки. А къ Надѣ пришли ея лучшія подруги: Анюта, Маша и Лиза.

Надя въ восторгѣ отъ гостей, отъ чая съ сухарями и вареньемъ, которымъ угощаетъ подругъ, отъ няни Марьи Филипповны, которая сегодня „добренькая, предобренькая“. Но больше всего ее радуешь, что вотъ она уже совсѣмъ большая, — „какъ мама“ — сама наливаетъ чай, убѣждаетъ выпить „еще чашечку“.

Надѣ очень хочется устроить сегодня что нибудь особенное. Такое хорошее, такое хорошее, какъ никогда не бывасть.

Она перебираетъ въ умѣ: въ куклы—уже играли до чая, да это и каждый день бываеть. Блошки—но это тоже совсѣмъ обыкновенное, да и Маша не любитъ; она говоритъ, что въ городки играть куда веселѣе. Въ прятки — Петька сейчасъ выскочить и скажетъ, что ему мѣшаютъ. И то ужъ онъ выбѣжалъ, было, изъ комнаты. Няня чуть убѣдила его пойти заниматься.

— Ахъ, вотъ что, вотъ что,—сказки! — вспоминаетъ вдругъ Надя.

— Няня, милая, хорошая, расскажи намъ сказку!

— Ну, миленькая, ну, дорогая, расскажи!..

И Надя, и Анюта, и Маша, и Лиза обступили няню, обнимаютъ, цѣлуютъ, тормозятъ ее и просятъ, умоляютъ рассказать сказку.

Няня смѣется, отбивается отъ нихъ, и старые глаза ея слезятся отъ смѣха.

Она обтираетъ ихъ платочкомъ и добродушно ворчитъ:

— Ну, вотъ, ну, вотъ... здравствуйте, пожалуйста, маленькія нашлись! Сказку имъ расскажи!.. Скажутъ тоже. Прости Господи, да годочковъ, годочковъ то вамъ сколько?! Самы почитайте, проказницы!..

— Ахъ, нѣтъ, няня, нѣтъ, это совсѣмъ не то! Ну, расскажи, ну, пожалуйста!..

И Марья Филипповна сдается.

Ее ведутъ подъ руки, торжественно усаживаютъ въ большое кресло въ дѣтской.

Дѣвочки сдвигаютъ къ ней свои стулья и скамейки поближе, а Надя, поставивъ лампу въ дальній уголъ, чтобы

не мѣшала слушать, садится на маленькую скамейку у самыхъ ногъ няни и кладетъ голову къ ней на колѣни.

Тихо, тихо.

Дѣвочки прижались другъ къ другу и ждутъ.

И слабымъ, старческимъ голосомъ няня начинаетъ.

— Жилъ былъ въ тридевятомъ царствѣ...

— Ахъ, нѣтъ, няничка, не такую, не такую!—сразу перебиваетъ Надя.—Ты настоящую Расскажи!.. Настоящую, о томъ, что, вправду было.

Няня пробуетъ не соглашаться. Но опять начинаются упрашиванья...

Не очень то устоишь противъ столькихъ молящихъ голосовъ.

И опять водворяется тишина и, вздыхая, говоритъ Марья Филипповна.

— О томъ, что было, рассказывать трудно. Не понять вамъ многого. Да не весело и слушать о томъ, что было въ тѣ времена, въ мои времена. Въ крѣпостное право я еще жила. Что было позже, многое позабыла, а помню вотъ все изъ того времени. Тогда я молода была.

Тогда и была моя жизнь, а потомъ доживать ужъ только стала.

Какая ужъ тутъ жизнь—старость, дѣточки, старость—не радость. Ну, да Богъ съ вами. Такъ вотъ изъ того времени...

Тяжелое было время, что и говорить, тяжелое... Вотъ хотѣлъ бы человекъ жизнь по своему повернуть, анъ нѣтъ, нѣтъ у него воли своей. Чужая воля—барская надъ нимъ. Иные изъ нихъ—изъ баръ-то и не злые, а все таки понимать нашего брата—мирволить ему—не было у нихъ этого заведенія. Какъ ужъ повелось это у нихъ, что холоповъ въ

страхъ, да въ послушаніи держать надо, такъ ужь съ этого имъ не сойти. И міръ на томъ стоялъ. Я не про тѣхъ, что людей засѣкали, да собаками травили, нѣтъ, мои, слава Богу, не такіе были. Добрыми да милостивыми на всю округу славились. Да вотъ случаи такіе бывали... кто ужь тутъ разбереть ихъ, кто правъ былъ, кто виноватъ!.. Богъ съ ними! Ему и разбирать людей. А я, вотъ, только знаю—трудно жилось въ тѣ поры людямъ. охъ, какъ трудно!

Вотъ какой случай былъ примѣрно. У насъ съ барчатами вмѣстѣ росъ мальчикъ—сынъ няньки, которая вынянчила, да выросила всѣхъ ихъ. Женщина та—Авдотьей ее звали — овдовѣла рано, да, такъ съ сынишкой и взята была въ дворовые. Кроткая, ласковая. Злого слова никто отъ нея не слышалъ. Привыкла къ ней барыня, любила ее. А мальчикъ, сынишка ея Степа-то, постарше барчаты былъ. ну, и вродѣ какъ бы забавой былъ имъ. Все, бывало, Степа, да Степа—ничего безъ Степы дѣлать не стануть. Ну, и какъ играли вмѣстѣ, такъ и учиться стали вмѣстѣ. Степа малецъ смысленый былъ, и читать, и писать, и считать—да что тамъ, и говорить по-французски, да и на роялѣ играть—всему научился. И жилъ это онъ такъ — блаженствовалъ, пока барчаты дома учились. Ну, а какъ подросли они, да уѣхали въ городъ учиться, остался Степа, какъ бы не у дѣль... Авдотья при маленькой барышнѣ оставалась еще, совсѣмъ крошка была барышня-то. Ну, а Степа слоняется изъ комнаты въ комнату, бывало, то за книгу возьметъ, то къ роялю присядеть, когда въ комнатѣ никого нѣтъ... Замѣтила это барыня и говорить: „Нехорошо это, Авдотьюшка, что Степа твой бездѣльникомъ растеть. Нужно приучать его къ работѣ, а то позже трудно ему будетъ. Избаловался онъ очень за эти годы“. И порѣшила барыня

повару на обученіе Степу отдать. Какъ услышалаъ это мальчикъ, такъ и позеленѣлъ весь. Стоитъ, дрожитъ, слова сказать не можетъ... Только глаза большущіе стали, да испугъ такой въ лицѣ, что барыня утѣшать стала: „Чего ты говоришь, глупый, испугался. Иванъ человекъ хорошій. Обижать тебя не станетъ. Поварская работа легкая. А безъ дѣла сидѣть нельзя, ты уже не маленькій.“

Разрыдается Степа какъ вдругъ, да сквозь слезы заголоситъ: „У-у-учиться хочу!“—„Вотъ и будешь учиться на кухнѣ“, отвѣчаетъ ему барыня. А онъ опять свое: „Съ у-учителемъ хочу... съ книгами хочу“...—„Ну, я вижу, книги эти тебя и такъ ужъ избаловали, разсердилась барыня. Погулялъ—будетъ, теперь за дѣло принимайся: не маленькій—четырнадцатый годъ пошелъ“!

И отправили Степу на кухню.

Авдотья молчитъ.

Только, какъ выйдетъ ей минута свободная, побѣжитъ на кухню, а оттуда идетъ—разливается, плачетъ. Спросишь ее, бывало (я въ тѣ поры дѣвчонкой была, въ дѣвичьей пищью училась): „Что вы это, няничка, или худо тамъ Степѣ вашему?“ Молчитъ. Только по сторонамъ смотреть, не идетъ ли барыня... Очень слезы свои отъ нея скрывала...

Какъ то послала меня барыня зачѣмъ то на кухню. Увидала я Степу—испугалась: худой, блѣдный, лицо совсѣмъ маленькое стало, только глаза одни горять. И смотреть, точно старый. „Что ты, говорю, Степушка, боленъ?“ Помолчала онъ. Потомъ какъ схватитъ меня за руку: „Машенька, говоритъ, Машенька, принеси ты мнѣ книжечку изъ комнатъ. Будь добренькая, принеси“. Не хватило у меня духу отказать ему. „Если найду“, говорю... А онъ какъ обрадуется. Довѣрчивый такой сталъ. „Машенька, говоритъ, тебѣ первой

скажу: уйду я отсюда“...— „Что ты, милый, что ты, испугалась я, да куда жъ теперь итти-то?“ А онъ свое: „Уйду, говоритъ, туда, гдѣ книги читають, а куръ и цыплятъ не заставляють рѣзать... Не могу я этого, не могу!.. Къ барчатамъ уйду. Пусть они меня съ собой возьмутъ учиться!..“ Хотѣла я, было, уговорить постараться Степу, да поваръ позвалъ его.

Вернулась я въ дѣвичью сама не своя. Не выходитъ изъ головы Степа. Что это онъ затѣваетъ, думаю. Господи, не вышло бы бѣды. Попробовала я Авдотѣ сказать. Она на меня цыкнула. „Молчи, говоритъ, несмышленная, не ровень часъ, барынѣ донесутъ! И такъ ужъ ему житья нѣтъ. Поваръ жалуется, что сладу съ нимъ нѣтъ. Мальчишки другіе проходу не даютъ — барчукомъ дразнятъ. Баринъ призывалъ его вчера, бранился, на тяжелую работу въ деревню отправить грозилъ... А что жъ я-то тогда!..“

И Авдотья залилась горькими слезами.

Прошелъ такъ мѣсяцъ — другой. Зима уже настала. Слышу я утромъ говорятъ, что Степа ночью ушелъ, не найдутъ никакъ. Обомлѣла я... А еще немного погода — слышу бѣгаютъ, кричатъ, баринъ что-то ругается, барыня блѣдная, испуганная пробѣжала внизъ. Побѣжали туда и дѣвушки, мнѣ строго приказали сидѣть... И вдругъ Авдотья — сколько жить буду, не забуду я ее, какой увидала тогда — вбѣгаетъ простоволосая, волосы растрепанные, сарафанъ разорванный... А лицо-то, лицо... На ночь гляючи — и говорить-то не хочется!.. Вошла это. Посмотрѣла такъ кругомъ, точно смотритъ, да не видитъ. А потомъ, какъ бросится на полъ, да заголоситъ: „У-убили моего дѣтеныша, у-убили сердечнаго!..“ И катается по полу, и волосы рветъ на себѣ... Я и такъ, и этакъ — и водой ее брызгаю, и за руку

поднимаю, а сама вся дрожу, да приговариваю: „Няничка, Авдотьюшка, будетъ тебѣ, не пугай ты меня, родненькая!“ Она какъ вскочить: „Убейте жь теперь и меня! на что мнѣ теперь жить“!.. Набралась я страху, да жалости въ тотъ день, вѣкъ мнѣ его не забыть!

Пригорюнилась Марья Филипповна.

Уронила руки на колѣни.

Молчить.

И дѣвочки молчатъ, какъ скованные, хотя рвется изъ души крикъ:

„Что же дальше, что дальше, няня?!..“

Наконецъ Маша не выдерживаетъ и, хватая няню за руку, умоляетъ:

— Марья Филипповна, чтожь это съ нимъ было? Убить ктонибудь или...

— Нѣтъ, дѣточки, нѣтъ,—приходитъ въ себя старуха...— Замерзъ онъ. Пошелъ искать... чего—самъ хорошо не зналъ... „гдѣ книги читають и цыплятъ рѣзать не заставляють“... къ барскимъ дѣтямъ пошелъ. А какъ итти, куда итти, не зналъ. Метался, видно, въ полѣ. Къ жилью, должно выйти боялся, не отвели бы обратно. Усталъ. Прилежъ. Заснулъ что ли, а спать въ морозъ послѣднее дѣло! Днемъ далеко отъ дома, въ сугробѣ обмерзшимъ и нашли...

— Ну, а Авдотьюшка такъ въ себя и не пришла. Сидитъ, бывало, глаза въ упоръ смотрятъ, сама себѣ что то шепчетъ и все раскачивается взадъ да впередъ, взадъ да впередъ. Никогда больше никто отъ нея слова не услышалъ. Шепчетъ себѣ—понять ничего нельзя—и только. Поселили ее послѣ того на селѣ у старухи одной одинокой. Тамъ она и померла, не приходя въ себя.

Тяжело вздыхает Марья Филипповна.

Дѣвочки сидятъ—не шелохнутся.

Видятъ онѣ передъ собой Степу... Видятъ мать его, замолчавшую на всю жизнь.

Тихо, тихо.

Слабо освѣщаетъ лампа поникшую голову старухи и дѣтскія задумчивыя лица.

Волноморская.

This page contains a handwritten musical score for a piece with multiple systems. The score is written in a non-Latin script, likely Georgian, and includes both vocal and piano parts. The lyrics are:

სანაწილად დასრულდა ეს
 ნაწილი დასრულდა ეს ნაწილი დასრულდა ეს
 ნაწილი დასრულდა ეს ნაწილი დასრულდა ეს
 ნაწილი დასრულდა ეს ნაწილი დასრულდა ეს
 ნაწილი დასრულდა ეს ნაწილი დასრულდა ეს
 ნაწილი დასრულდა ეს ნაწილი დასრულდა ეს

The piano accompaniment is highly detailed, featuring numerous accidentals, ornaments, and complex rhythmic patterns. The notation is dense and characteristic of traditional Georgian folk music.

СЛОВА КЪ МУЗЫКЪ. (взяты изъ стих. К. Д. Бальмонта
„Ручеекъ“).

Ручеекъ, ручеекъ,
Ты, какъ ниточка, идешь.
Подъ тобой блестить песокъ.
Весель ты, хоть неглубокъ.
Ручеекъ, ручеекъ,
Ты уходишь и поешь.
Вьются пчелы межъ стеблей,
Прогудитъ мохнатый шмель.
Ты бѣжишь скорѣй, скорѣй.
Вдругъ неволя средь камней--
Вспѣваясь звонче, веселѣй,
Зажурчишь ты: „мель, мель, мель!“
Неширокъ ты, ручеекъ,
Неглубокъ ты, ну, такъ что-жь!
Ручеекъ, ручеекъ,
Ты бѣжишь и ты поешь!

НАВОДНЕНІЕ.

Наводненіе—не шутка;
Зайцамъ—просто пропадать,
Хорошо вамъ, право, Утка:
Вы умѣете нырять,
Переплыть вамъ море—шутка,
Наводненье вамъ въ забаву,
Мнѣ же—чистая бѣда,
Но построены на славу

Очень крѣпкія суда.
По людски судну названье
Очень глупое: башмакъ.
А по—заячьи не такъ,
Имъ дано теперь прозванье:
Вовсе это не башмакъ—
Это цѣлый быстроходъ—
Важно по водѣ плыветь.

МОСКВА.

Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. 21.

1914.

толстый мальчикъ подвигался среди кричащей и пляшущей толпы.

Подъ конецъ онъ начинать плакать и угрожать пожаловаться.

Но слѣдующій разъ приходилъ, и толстый Джонъ опять увязывался за воинами.

Бой кшѣлъ по всей линіи.

Отовсюду раздавались воинственные клики, индѣйцы безшумно крались по кустамъ подъ предводительствомъ Трюгге въ бѣломъ новомъ костюмѣ, забрызганномъ грязью.

Битва происходила всякій разъ пѣз-за крутого, обрывистаго холма, называвшагося Трономъ. Съ вершины его сіяла слава, и манила побѣда.

Ни одна битва въ исторіи всего міра не была такъ жарка и безпощадна, какъ эта битва за Тронъ въ тотъ ясный весенній день.

Когда непріатели схватились грудь съ грудью, изъ толпы не разъ слышались жалобные вопли:

— Ой-ой! Нельзя кусаться! Помнить уговоръ!

И несмотря на это, острые зубы краснокожихъ или бѣлолицыхъ нерѣдко впивались въ тѣло непріателя.

И вдругъ раздался общій крикъ ужаса, и битва разомъ прекратилась.

На самомъ краю обрыва дрались оба вождя, Трюгге и его лучший другъ, Вилли.

Еще минута, и оба, цѣпляясь другъ за друга и крѣпко обнявшись, свалились внизъ. Комья земли и мелкаго камня неслись вслѣдъ за ними.

Послышался плескъ воды, и великіе вожди исчезли въ глубокой ямѣ, наполненной мутной весенней водой.

Вѣрныя дружины ихъ поспѣшили на помощь. Когда

вожди были спасены, протерли себѣ глаза и выплюнули грязь изо рта, они оба съ громкимъ воинственнымъ кличемъ бросились на толстаго Джона.

Бѣдный мальчикъ не ожидалъ нападенія. Онъ вертѣлся вокругъ спасенныхъ вождей и вытиралъ съ нихъ грязь своимъ носовымъ платкомъ.

И толстяка опять потащили къ позорному столбу.

Бѣлолицему плѣннику была дарована особенная милость. Онъ долженъ былъ умереть, обратясь лицомъ въ ту сторону, гдѣ лежали его родныя поля. Онъ долженъ былъ увидѣть въ послѣдній разъ блескъ заходящаго солнца на окнахъ своего дома и дремлющія волны тихаго фьорда.

Джонъ молилъ о пощадѣ, кусался, щипался, царапался, плакалъ и звалъ маму.

Его все-таки притащили къ столбу и привязали тонкими веревками, больно рѣзавшими его пухлое тѣло.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, у подножья старой засохшей березы, былъ разложенъ костеръ. Воины должны были прыгать черезъ него, прежде чѣмъ вонзить свои копья въ тѣло бѣлолицаго плѣнника.

На землю понемногу спускалась тьма. Сумерки выползли изъ дальнихъ угловъ лѣса и поползли къ опушкѣ. Но въ воздухѣ было еще свѣтло. На блѣдномъ небѣ, слабо мерцаая, зажигались первыя крохотныя звѣздочки.

Съ фьорда доносились выстрѣлы. Это ломался ледъ на самомъ отдаленномъ краю фьорда. Подъ мостами шумѣла весенняя вода.

Въ городѣ было тихо. На всемъ лежала тишина и покой весенняго вечера. Природа отдыхала, утомившись цѣлымъ днемъ весенней работы.

Только изъ трубъ поднимался легкій дымокъ, разсти-

лаясь въ теплоѣ неподвижномъ воздухѣ, какъ развалится школьникъ въ воскресенье въ своей мягкой постели.

И вдругъ, среди этой тишины, раздался пронзительный и частый звонъ набатнаго колокола.

Послышались крики „пожаръ! пожаръ!“

На улицахъ поднялся переполохъ и шумъ. Застучали колеса, забѣгали люди.

А на вершинѣ холма, извѣстнаго подъ названіемъ Трона, пылала вся, сверху до низу, засохшая береза и нѣсколько кустовъ, окружавшихъ ее. Густой дымъ окружалъ яркое пламя. Передъ огнемъ пробѣгали какія-то маленькія черныя фигурки.

Кое-кто изъ гордыхъ побѣдителей спасался съ мѣста преступленія. Но большинство храбро боролось съ огнемъ. Мальчуганы сняли бабмаки и носили въ нихъ воду изъ лужи къ пылавшей березѣ.

Береза только потрескивала слегка отъ этихъ обливаній и продолжала горѣть.

Около самаго костра стоять, привязанный къ своему столбу, несчастный Джонъ и револьвъ благимъ матомъ.

Сердце Трюгге билось такъ, точно оно готово было выпрыгнуть изъ груди; щеки горѣли ярче пламени костра. Долгимъ взглядомъ окинулъ онъ костеръ, и руки его опустились въ отчаяніи.

Онъ пересталъ бѣгать къ лужѣ за водою, и сердце его больно сжалось.

Фрау Хассель только что заплатила двѣсти кронъ за огромное стекло въ магазинѣ, которое Трюгге разбилъ своими салазками. Ему очень хотѣлось попробовать съѣхать самому съ высокой горы, и онъ не удержалъ санки и не успѣлъ повернуть ихъ.

И вотъ опять онъ нагрѣшилъ!

И теперъ фру Хассель придется платить за весь лѣсъ. Потому что онъ весь сгоритъ, весь! Трюгге видѣлъ, что потушить его было невозможно.

Онъ стоялъ совсѣмъ убитый своимъ горемъ. И на этотъ разъ дѣло не удастся скрыть отъ отца.

И онъ рѣшилъ бѣжать къ владѣльцу лѣса и умолять его не посылать счета фру Хассель и, тѣмъ болѣе, отцу. Онъ самъ заплатитъ за него, когда вырастетъ большой; онъ будетъ работать день и ночь, выбьется изъ силъ, но заплатить. Лишь бы только онъ не жаловался на него. И Трюгге съ трудомъ сталъ натягивать на себя мокрые башмаки.

И тутъ только онъ услышалъ жалобные вопли несчастнаго плѣнника.

Толстякъ! Онъ стоялъ у самаго пламени.

Онъ весь пропахъ дымомъ и гарью.

Трюгге боялся подумать о томъ, что пахло—его платье или, можетъ быть, самое тѣло?

Онъ весь дрожалъ, развязывая веревки. Но узлы такъ затянулись, что онъ ничего не могъ сдѣлать.

Тогда Трюгге разбѣжался и со всего размаха налетѣлъ на позорный столбъ.

Дерево дрогнуло. Трюгге еще и еще разъ налетѣлъ на него, все съ большей и большей силой.

И видя его неудачу толстякъ вопилъ все громче и громче.

Наконецъ, столбъ упалъ. вмѣстѣ съ нимъ повалился на землю толстый мальчикъ. Онъ лежалъ, не шевелясь, и не издавалъ ни одинаго звука. Трюгге наклонился надъ нимъ, и ему показалось, что пухлыя щеки толстяка осунулись.

Трюгге оттащилъ его прочь отъ огня и дыма и двумя острыми камнями перерѣзалъ веревки у него на ногахъ.

— Аіі, аіі! Полицеймейстеръ идетъ!—крикнулъ вдругъ кто-то изъ мальчиговъ.

И дѣйствительно, по крутому склону холма поднималось нѣсколько человекъ съ топорами. Впереди шелъ самъ полицеймейстеръ.

Трюгге съ Вилли поставили толстаго мальчика на ноги.

— Бѣги, Джонъ! Полицеймейстеръ идетъ.

И толстякъ очнулся вдругъ, какъ отъ дѣйствія волшебной палочки, и съ неожиданной быстротой пустился въ лѣсъ вслѣдъ за своими вождями.

Можно было подумать, что при звукѣ слова „полицеймейстеръ“ у него выросли крылья.

Съ позорнымъ столбомъ на спинѣ и связанными назадъ руками, онъ неся, какъ птица, въ лѣсъ. Трюгге и Вилли подбодряли его окриками.

— Скорѣй, Джонъ, скорѣй!

Когда толстякъ падалъ, онъ испускалъ пронзительный крикъ отчаянія, и оба друга возвращались къ нему на помощь. Они ставили его на ноги и мчались опять, все дальше и дальше въ лѣсъ.

Но не одно имя полицеймейстера заставляло ихъ утекать такъ поспѣшно. Дѣло въ томъ, что ноги полицеймейстера считались самыми длинными на нѣсколько верстъ кругомъ.

И вскорѣ по лѣсу пронесся душу раздирающій воилъ покинутаго толстяка: полицеймейстеръ поймать его за длинную вѣтку, торчавшую на позорномъ столбѣ.

Джонъ попалъ въ настоящій плѣнъ и опять за чужую вину.

Въ первый разъ Трюгге и Вилли стало искренно жаль толстяка. Но пытаться освободить его значило бы попасться

самимъ. Оба виновные тихо скрылись изъ вида и спустились въ заброшенную камнеломню. Тамъ они ощупью стали пробираться впередъ по засыпаннымъ камнями ходамъ.

Наконецъ, вдали показался слабый свѣтъ, и наши друзья благополучно выбрались на свѣтъ Божій съ другого конца длиннаго туннеля, выходившаго на фьордъ.

IV.

СПАСЕНИЕ.

У берега на небольшомъ холмѣ стоялъ шалаши изъ еловыхъ вѣтвей.

Трюгге и Вилли рѣшили поселиться въ немъ; можно будетъ питаться корнями растеній, пока не поспѣли ягоды. Впрочемъ, Трюгге слышалъ, что можно прожить цѣлыхъ двѣ недѣли безъ всякой пищи.

А къ тому времени начать ходить рыболовныя суда. Они могутъ пробраться на „Рескву“, шкутъ отца, и просидѣть въ трюмѣ, пока шкутъ не выйдетъ въ Нѣмецкое море. А тамъ ужъ шкиперъ Меркъ и питурманъ Меркъ, его братъ, должны будутъ взять ихъ съ собою въ Англию.

Можетъ быть удастся застрѣлить ворону или сороку. Можно будетъ мясо побить о камни, оно станетъ мягкое. У Вилли хотя были съ собою спички, но съ пріятелей уже было достаточно одного пожара.

— Да что мы!—воскликнулъ вдругъ Трюгге.—Вѣдь все же знаютъ объ этомъ шалаши. И толстякъ и остальные.

— Ужъ вѣрно и нажаловался на насъ этотъ толстякъ,— перебилъ Вилли.

И они рѣшили уйти изъ шалаша, они были увѣрены, что Джонъ выдастъ ихъ тайну.

Лучше всего сейчасъ же попробовать взобраться на „Рескву“.

Стройный шкуть легко лежать на водѣ, привязанный канатами къ берегу.

Мальчики подождали, когда стемнѣло еще больше, и начали осторожно карабкаться на канаты.

Канаты были привязаны такъ высоко, что, держась за нихъ руками, можно было на вѣсу добраться до судна.

Сначала все шло хорошо. Перехватываясь руками, мальчики удалились довольно далеко отъ берега. До шкута было уже совсѣмъ недалеко.

Но шкуть, лежавшій до тѣхъ поръ спокойно, вдругъ началъ раскачиваться. Не знаю, волны ли вздумали играть съ нимъ или онъ самъ запрыгалъ отъ радости, что кругомъ него была свободная вода.

Какъ бы то ни было, а мальчуганы вдругъ почувствовали, что ноги ихъ очутились въ холодной, какъ ледъ, водѣ.

Назадъ идти было поздно и, мальчики съ лихорадочной поспѣшностью стали подвигаться по канатамъ.

Они почти до пояса были въ водѣ. Но это заставляло ихъ только быстрѣе работать. Они пыхтѣли оба, какъ киты. Но вотъ бортъ судна уже недалеко. Еще одно усилие, и проказники очутились на палубѣ.

Новая побѣда!

— Сквозь огонь и воду! — щелкая зубами, говоритъ Трюгге.

Но увы! И эта побѣда не принесла вождамъ ничего, кромѣ разочарованій.

Камбузъ, каюта, рубка—все было заперто!

Отперто было только помещеніе, куда складывали паруса. Но оно было полно холодныхъ, какъ ледь, жесткихъ парусовъ.

Что дѣлать?

Дрожа и щелкая зубами, друзья рѣшили выломать окно въ крышѣ каюты, стащить съ себя мокрое платье и отогрѣться.

Послѣ долгихъ усилій окно податось наконецъ, и мальчуганы очутились въ каютѣ.

Большаго блаженства они не испытывали никогда.

Въ каютѣ было тепло и уютно. Изъ круглыхъ отверстій въ маленькой печкѣ въ комнату падалъ мягкій свѣтъ. Ящикъ, стоявшій рядомъ съ печкой, былъ полонъ дровъ и угля. На стѣнѣ висѣло сухое платье. Койки были покрыты одѣялами.

Въ кофейникѣ осталось немного кофе, въ шкафу оказались сухари и масло, англійская сахарная пудра и ступенныя сливки.

Чудный волшебный міръ открылся передъ голодными вождями. Они долго не могли опомниться отъ удивленія. Они стояли и смотрѣли другъ на друга широко раскрытыми восхищенными глазами.

И улыбка на ихъ лицахъ становилась все шире и шире, а глаза горѣли все ярче и ярче.

Какое счастье, что шкиперъ Меркъ и штурманъ Меркъ уже перебрались на шкутъ!

Трюгге и Вилли съ трудомъ стащили съ себя мокрое платье и повѣсили его сушить.

Потомъ они закутались въ одѣяла, какъ въ тоги, и засыпали маленькую печку углемъ до верху.

Трюгге тотчасъ же почувствовать себя хозяиномъ и повелителемъ на шкуть отца.

„Ресква“ неслась куда-то по волнамъ. Въ парусахъ ея свистѣла лѣтняя буря.

— Какъ ты думаешь, тамъ горитъ еще? — спросить Вигли.

— Не знаю,—небрежно отвѣтить Трюгге. Это было ему безразлично.

Вытащивъ изъ шкафа съѣстные припасы, вожди принялись за кофе. Въ шкафу оказалась еще коробка сѣрныхъ спичекъ.

Они сидѣли голые въ своихъ теплыхъ одѣялахъ, забившись каждый въ свой уголокъ дивана. Печка раскалилась до-красна и казалось, изъ всѣхъ силъ дула въ каюту тепломъ. Въ каютѣ пахло рыбьимъ жиромъ, дегтемъ, моремъ и приключеніями.

Чудная сказка!

Наши мечтатели наѣлись до того, что больше не могли проглотить ни куска. Мѣсто осталось только для десерта. Они передавали другъ другу жестянку съ сгущенными сливками, подымали ее кверху и выпускали изъ нея длинную тянущуюся струйку. Потомъ они ловили ее языкомъ и она свертывалась, падая на него.

Глаза ихъ свѣтились тихимъ блаженствомъ. Отъ времени до времени, они лѣниво протягивали руку къ коробкѣ со спичками, вынимали оттуда по одной и зажигали ее обѣ стѣну. Искры такъ и разлетались по сторонамъ, а на стѣнѣ долго оставалась свѣтящаяся полоса.

...Они плыли и плыли. Море съ шумомъ билось о корпусъ „Ресквы“. Лѣтнее небо сіяло лазурью. Гдѣ-то вдали лежала желанная страна, горѣвшая золотомъ, какъ спѣлое

поле ржи. Трюгге стоялъ у штурвала. Онъ былъ выше всѣхъ остальныхъ. На палубѣ толпился народъ. Всѣ улыбались ему, озаренные лѣтнимъ солнцемъ. Въ ихъ глазахъ Трюгге читалъ восхищеніе. А мясникъ? Гдѣ мясникъ? Онъ лежалъ связанный въ темномъ углу трюма.

...Они все плыли и плыли. Сердце Трюгге было переполнено радостью. Онъ направлялъ свой шкуть въ страну свѣта и солнца. Фру Хассель была съ нимъ. Онъ не видѣлъ ея, но она какъ будто была возлѣ него въ этомъ яркомъ свѣтѣ, наполнявшемъ все вокругъ. Море тихо плескалось о корпусъ шкута, паруса трепетали, какъ крылья бѣлой птицы. Кругомъ было голубое, свободное море, вдали сіяла и манила желанная страна, вся залитая яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.

...Они плыли. Прижавшись въ уголки дивана, они положили головы на низкую спинку, улыбка застыла на ихъ полуоткрытыхъ губахъ. Они спали...

Они спали долго, тяжелымъ, крѣпкимъ сномъ. И вдругъ сильный ударъ раздался гдѣ-то надъ ихъ головами.

Въ чемъ дѣло? Ресква налетѣла на подводный камень? Она погружается все глубже и глубже. Неужели они погибнутъ?

Трюгге выпустилъ изъ рукъ колесо. Весь народъ съ крикомъ бросился къ рѣшеткѣ палубы, спустили лодки и изъ всѣхъ силъ начали грести прочь отъ погибавшей Ресквы.

Трюгге одинъ остался на суднѣ. Какъ его ни звали, какъ ни кричали, онъ круто повернулся и ушелъ въ каюту. Тамъ уже была вода. Но Трюгге удалось благополучно добраться до шкафа, стоявшаго въ углу.

Онъ дрожащей рукой отворилъ его. О счастье! Коробка съ сѣрными спичками лежала цѣла и невредима и еще не успѣла намокнуть.

Ресква вдругъ встала на корму и ушла подъ воду. Трюгге утонулъ вмѣстѣ съ ней. Волны гудѣли и шумѣли наполняя судно, били Трюгге тяжело по головѣ.

Но ему это было безразлично. Онъ спасъ сѣрныя спички!

Онъ стоялъ въ углу каюты и зажигалъ объ стѣну одну спичку за другой. Ресква опускалась все глубже и глубже, на самое дно моря. Но сердце Трюгге было полно радости.

— Бумъ!—послышался опять глухой ударъ.

Трюгге вскочилъ, потомъ сѣлъ, вытянулъ руки и звѣнулъ.

— Гдѣ я?—говорилъ рядомъ съ нимъ Вилли, щупая крутомъ руками.

— Спички у меня,—отвѣтилъ Трюгге.

На палубѣ раздавались тяжелые шаги.

Въ каютѣ было темно, только печка по-прежнему пылала, раскаленная до-красна.

Сквозь стеклянную крышу падалъ слабый свѣтъ весенней ночи. На блѣдномъ небѣ горѣли звѣзды.

Кто-то вставилъ ключъ въ дверь каюты и медленно отворилъ ее.

Трюгге и Вилли вскочили съ дивана и со страха уронили одѣяла. Ихъ голые тѣла были освѣщены таинственнымъ голубоватымъ свѣтомъ.

— Съ нами крестная сила!—послышался чей-то голосъ.—Да кто же это такое?

И шкиперъ Меркъ медленно вошелъ въ каюту. Онъ заходилъ какъ-то сбоку, смотрѣлъ остановившимися глазами на таинственныя голыя фигурки и никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло.

— Что это, привидѣніе?—шепталъ онъ, пятясь назадъ.

— Что это, привидѣнія?—какъ эхо, повторилъ другой голосъ, и штурманъ Меркъ вслѣдъ за братомъ вошелъ въ каюту.

— Нѣтъ, это Трюгге, шкиперъ Меркъ,—проговорилъ наконецъ Трюгге.

— Ну да, конечно, я такъ и думалъ,—отвѣтилъ шкиперъ Меркъ.

Прошло нѣсколько секундъ.

— Ну да, конечно, я такъ и думалъ,—повторилъ штурманъ Меркъ.

И они оба вошли, наконецъ, въ каюту.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло,—сказалъ шкиперъ Меркъ, глядя на расплывшуюся печку.

— Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло,—повторилъ вельдъ за братомъ штурманъ Меркъ.

— А мы то думали, отчего это изъ трубы идетъ такой сильный дымъ!

— Да, отчего это идетъ такой сильный дымъ!

— Мы и рѣшили пойти посмотреть, не случилось ли какой бѣды.

— Да, не случилось ли какой бѣды.

— Мы отдадимъ вамъ всѣ сливки, которыя мы выпили—убѣдительно и твердо проговорилъ Трюгге.

Наступило молчаніе.

— Стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ,—сказалъ, наконецъ, шкиперъ Меркъ.

— Конечно, не стоитъ,—подтвердилъ штурманъ Меркъ. Трюгге снялся, наконецъ, съ мѣста и бросился на шею шкиперу Меркъ.

— Подари мнѣ свои сѣрныя спички, шкиперъ Меркъ,—попросилъ онъ.

— Возьми, возьми, проказникъ,—ласково проговорилъ старикъ, хлопая Трюгге по голой шеѣ своей грубой тяжелой рукой.

— Бери, бери, шалунъ!—смущенно и растроганно повторилъ штурманъ Меркъ, кладя свою мозолистую руку на голову мальчика.

...Была полночь, когда лодка отчалила отъ „Ресквы“.

Часы на церкви громко пробили двѣнадцать ударовъ. Послѣ этого ночь стала еще тише. Въ гладкой поверхности фьорда отражалось небо съ безчисленными звѣздами.

Лодка тихо скользила по водѣ. Высоко надъ ней и глубоко подъ ней горѣли звѣзды.

Въ городѣ было темно. Только въ нѣсколькихъ окнахъ горѣлъ свѣтъ.

И Трюгге вдругъ больно кольнуло въ сердце.

— Фру Хассель!

Ему стало такъ невыносимо тяжело, что онъ не могъ спокойно сидѣть на мѣстѣ. Какъ только лодка причалила къ берегу, Трюгге выпрыгнулъ изъ нея, и, не сказавъ ни слова, бѣгомъ бросился вверхъ по улицѣ.

Шкиперъ Меркъ вышелъ изъ лодки и посмотрѣлъ ему влѣдъ. Онъ не сказалъ ни слова, только покачалъ своей сѣдой головой.

Штурманъ Меркъ посмотрѣлъ на него, тоже покачалъ головой и сказалъ: Гм...

Шкиперъ Меркъ вопросительно взглянулъ на брата, но тотъ уже опустилъ глаза и не отвѣтилъ ничего.

Вилли крѣпко пожалъ обоимъ старикамъ руки, попрощался, поблагодарилъ за себя и за товарища, пожелать покойной ночи и долго смотрѣлъ то на одного изъ братьевъ, то на другого.

Потомъ онъ вдругъ увидѣлъ на скамьѣ лодки коробку съ сѣрными спичками, которую Трюгге въ волненіи забылъ

взять съ собою. Ему сильно хотѣлось взять ее, чтобы передать Трюгге, но стыдно было попросить.

Ему было такъ тяжело, что Трюгге не простился съ добрыми стариками. Дойдя до конца пристани, онъ еще разъ обернулся, снялъ шапку и крикнуть:

— Покойной ночи, шкиперъ Меркъ и штурманъ Меркъ. Спасибо, спасибо за все!

Въ домъ у Хассель огонь вездѣ погасили: только въ передней и гостиной горѣли лампы. Навѣрное, не спала одна только мама.

Трюгге ураганомъ ворвался въ домъ и бросился на шею матери, которая вышла къ нему въ переднюю.

Какъ только онъ почувствовалъ ея руки у себя на шеѣ, онъ неудержимо разрыдался.

— Я никогда не буду дѣлать такъ, фру Хассель,—говорилъ онъ сквозь рыданія.—Обѣщаю тебѣ это.

— Не плачь,—говорила ласково фру Хассель, вытирая ему слезы.—Разскажи сначала, чего ты обѣщаешь никогда не дѣлать. Что ты опять натворилъ? Мы искали васъ, но вѣдь вы были вдвоемъ, такъ что мы не очень беспокоились. Мы ждали, что вы вернетесь, когда стемнѣетъ. Пожара никакого не было. Тутъ было больше страха, чѣмъ настоящей опасности... Горѣло только одно сухое дерево.

О пожарѣ Трюгге успѣлъ уже забыть. Онъ говорилъ совсѣмъ не о томъ.

— Нѣтъ, я никогда не буду уходить отъ тебя по вечерамъ. Съ тобой что-нибудь можетъ случиться.

И глаза его опять наполнились слезами, онъ крѣпко обнялъ мать.

Фру Хассель засмѣялась, погладила его по волосамъ и сказала:

— Конечно, Трюгге, ты всегда долженъ быть здѣсь, чтобы защитить меня...

...Трюгге минутъ пять уже лежать въ постели. Ему было такъ тепло и уютно; онъ сталъ уже закрывать глаза, какъ вдругъ однимъ прыжкомъ вскочилъ съ постели. Сна какъ не бывало. Ужасный страхъ схватилъ его за сердце. Онъ нащупалъ штаны и куртку, обшарилъ все карманы, трясъ, выворачивалъ—ничего!

Спички исчезли.

Онъ тихо одѣлся, безшумно спустился съ лѣстницы и, что было духу, помчался по пустыннымъ улицамъ на пристань.

Холодная, какъ ледь, грязная вода брызгала у него изъ подъ ногъ. Онъ мчался такъ, какъ будто за нимъ была погоня.

Добѣжавъ до пристани, онъ и тамъ не остановился, а со всего размаха прыгнулъ въ лодку.

Страхъ въ одно мгновеніе, какъ рукой сняло.

Когда онъ опять вошелъ на мостикъ, лицо его сіяло широкой улыбкой.

И онъ помчался домой, сжимая рукой въ карманѣ курточки драгоценную коробку съ сѣрными спичками.

V.

СЛАВНЫЕ ВИКИНГИ.

Въ маѣ стало тепло, какъ лѣтомъ. Однажды утромъ изъ узкаго пролива тихо скользнула на просторъ фьорда большая старая лодка.

На веслахъ сидѣли гребцы, по четыре на каждомъ

весель. На кормѣ стояли вооруженные луками воины, а на носу четыре другихъ,—это были вожди.

Передній изъ вождей поднялъ свой тяжелый лукъ изъ можжевельоваго дерева и пустилъ стрѣлу на красную черепичную крышу дома у пристани.

Крыша была усеяна голубями, вившими гнѣзда подъ кровлей. Когда стрѣла со звономъ упала на крышу, голуби взлетѣли и стали виться надъ ней.

Потомъ, широкой дугой пролетѣвъ надъ фьордомъ, они вернулись на крышу, сверкая въ воздухѣ своими сизыми крыльями.

Черезъ пять минутъ воркованіе снова было въ полномъ разгарѣ.

Лодка обогнула послѣдніе дома и вышла въ фьордъ.

Наши викинги держали путь на рыбацью деревушку въ полумилѣ отъ города.

Черезъ часъ неприятельская область была уже на виду. Пристально взглядываясь въ группу купалень и лодокъ, вожди векорѣ замѣтили тамъ усиленное движеніе.

По командѣ вождей, воины собрались на носу и приготовились къ битвѣ.

Старая лодка не въ первый разъ шла въ бой. Нильсъ Реккевика, сторожъ на пристани, увѣрялъ, что эта лодка ходила на войну съ англичанами. Она была вся сдѣлана изъ дуба и почернѣла отъ времени. Нильсъ Реккевика увѣрялъ, что бурое пятно на кормѣ была кровь, пролитая однимъ изъ солдатъ.

— Никакое пятно,—говорилъ онъ торжественно,— не сохраняется такъ долго, какъ человѣческая кровь.

И мальчики вѣрили ему.

Изданія журнала «ПРОТАЛИНКА».

для МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ОГНЕННЫЕ ЧЕЛОВѢЧКИ. Сказка Волноморской.

Рис. Д. Шохина. Цѣна 50 коп.

ВЪ ЦАРСТВѢ ПАУКА. Сказка Е. Сергѣевой. Рис.

Д. Шохина. Цѣна 50 коп.

ИЗДАНІЯ ОТПЕЧАТАНЫ НА РОСКОШНОЙ БУМАГѢ, СЪ РИСУНКАМИ, ИСПОЛНЕННЫМИ ВЪ НѢСКОЛЬКО КРАСОКЪ.

Складъ изданія въ конторѣ Н. Печковской.
Москва, Петровскія линіи.

О ПОДПИСКѢ НА 1914 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

„ПРОТАЛИНКА.“

Въ журналѣ участвуютъ: Л. Авилова, Н. Асѣвъ (Штальбаумъ), К. Афанасьевъ, В. Ахрамовичъ, Е. Булгакова, проф. С. Н. Булгаковъ, А. Бѣляевъ, В. Вахтеровъ, Э. Вахтерова, Волноморская, С. Дурьлинъ, С. Кличковъ, Н. Крашенинниковъ, Н. Мѣшковъ, С. Покровскій, М. Пришвинъ, С. Розановъ, А. Серафимовичъ, Е. Сергѣева, Н. Телешовъ, гр. А. Толстой, Е. Торнеусъ, Д. Шамбуровъ, И. Шмелевъ, А. Чельцовъ и др.

Подписчики журнала получаютъ:

- 12 кн. журнала въ объемѣ 4-5 листовъ больш. формата.
- 12 кн. приложений „ 3-5 „ меньш. „
- 12 худож. репродукцій съ картинъ соврем. и старинныхъ мастеровъ на мѣловой бумагѣ съ папкой для нихъ.

Отд. прилож.—большая повѣсть „Трюгге и его мать“ въ объемѣ около 6 листовъ больш. формата.

Подписная цѣна на журналъ—4 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой, 3 р. 50 к. безъ доставки въ конторѣ Н. Печковской. 2 р. за полгода. Подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской и въ другихъ мѣстахъ.

Ред.-издательница *Е. С. Чоловская*. Редакторъ *А. П. Печковский*.

Цѣна настоящаго № въ отдѣльной продажѣ 35 коп.